
E 87/66

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО

КЪ ДѢЛОВОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ДЛЯ ЧИНОВНИКОВЪ, ВСТУПАЮЩИХЪ ВЪ СЛУЖБУ.

М. Магницкаго.





МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.
1835.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 21 дня 1835 года.

Цензоръ Болдыревъ.



ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ

МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ

и пр. и пр.

МОСКВА,
Іюня 20-го
1835.

Найдя прїютъ гостепрїимный на счастливыхъ берегахъ того благословеннаго края, который цвѣтетъ и благоденствуетъ подъ благотворнымъ управленїемъ Вашимъ, составилъ я, изъ старыхъ служебныхъ воспоминанїй, представляемый у сего Опытъ. Достоинство его состоитъ только въ томъ, что никто не вздумалъ написать подобнаго Руководства прежде; но польза, по самому предмету его,

кажется несомнѣнною. Вотъ единственное право на украшеніе издаваемой мною книги именемъ славнымъ и въ полѣ ратномъ, и на стражѣ Европейскаго мира, и въ лѣтописяхъ Управленія Государственнаго.

М. МАГНИЦКІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

При чтеніи, лучшихъ въ своемъ родѣ, книгъ о Русской Словесности, статья о дѣловомъ слогѣ всегда казалась мнѣ недовольно въ нихъ раскрытою, и сіе подало случай обдумать вообще матерію *о дѣловомъ и государственномъ слогѣ* пристальнѣе. Долголѣтняя опытность въ службѣ представила множество мыслей и воспоминаній, которыя приведены будучи въ нѣкоторую связь, составили предлагаемый опытъ.

Онъ не можетъ почесться сочиненіемъ учебнымъ, ибо издается не для учениковъ, а для чиновниковъ, свободно уже владѣющихъ языкомъ, въ томъ положеніи, когда Аристотель желаетъ, чтобы они начинали *Риторику забывать*.

На себѣ самомъ и на множествѣ молодыхъ людей, вступающихъ въ службу, я испыталъ какъ трудно, выйдя изъ Университета, слѣдовать сему правилу Аристотеля, т. е. *не риторствовать* въ дѣловыхъ бумагахъ, сгладить педанство школьнаго слога приличіемъ служебнаго, войти въ простоту и добрый вкусъ языка дѣловаго, имѣющаго свои особенныя правила и красоты. Мнѣ случалось видѣть молодыхъ чиновниковъ, съ отличнѣйшими способностями и образованіемъ, остановившимися въ нѣкоторомъ родѣ изступленія, на самомъ порогѣ Департаментской службы, отъ недоумѣнія: какимъ образомъ, послѣ блистательныхъ ихъ успѣховъ въ Словесности Университетской, послѣ наградъ и ученыхъ степеней, ею пріобрѣтенныхъ, можетъ Столоначальникъ, совсѣмъ не ученый, не только перемарывать выписку изъ дѣла, ими представленную; но и смѣяться (весьма справедливо) надъ *неумѣстными* красотами ея слога? — Я зналъ одного изъ нихъ, который въ семъ отчаяніи навсегда оставилъ службу. Я видѣлъ Доктo-

ровъ Философіи, кои, не умѣя сдѣлать порядочной выписки изъ дѣла, не могли отправлять должности Столоначальника въ Министерствѣ. И все сіе отъ того только, 1-е. что нѣтъ руководства, которое указало-бы студенту, готовящемуся къ службѣ, разницу между *классическою* Словесностію и *дѣловою*, переходъ отъ одной къ другой, связь ихъ, свойства и правила послѣдней. 2-е. Что люди дѣловые, къ коимъ вступаютъ въ подчиненіе сіи школьные литтераторы, или сами ничего не знаютъ, кромѣ слога дѣловаго, которому выучились только опытомъ, или такъ заняты текущимъ дѣломъ, что не имѣютъ досуга, образовать неопытнаго чиновника нужными указаніями, и насмѣшками своими такъ отчаяваютъ щекотливую его гордость, что онъ, для избѣжанія непрестанныхъ униженій, принужденъ бываетъ оставить службу.

Тѣ изъ нихъ, которые, по необходимости, или благоразумію, рѣшаются перейти сей терновый путь, столько встрѣча-

ютъ трудностей къ дѣловому самообразованію, что очень медленно дѣлаются извѣстными, и не часто доходятъ до высшихъ степеней. Ибо сіи рѣдкіе изъ молодыхъ чиновниковъ, съ наилучшими способностями и неутомимымъ прилежаніемъ, должны идти ощупью и до всего доходитъ *самоучкою*. Отъ нихъ тотчасъ требуютъ по службѣ дѣла; а кто укажетъ способъ научиться ему? Скажутъ: *читай*, но какъ и что читать? Роясь въ Архивѣ Департамента, какимъ образомъ, по описямъ, обыкновенно довольно сбивчивымъ, человѣку новому выбрать изъ нихъ именно тѣ дѣла, которыхъ производство есть самое правильное? Какъ прочесть скоро огромное дѣло? Какъ найти въ немъ бумаги образцовыя? какъ наконецъ составить общее понятіе о разныхъ родахъ дѣловыхъ бумагъ, о разныхъ правилахъ сихъ родовъ, и свести всѣ понятія сіи въ нѣкоторый порядокъ?

Вотъ отъ чего, по моему мнѣнію, такъ рѣдки у насъ люди въ дѣловомъ и, особли-

во, въ государственномъ слогѣ искусные. Вмѣсто соединенія двухъ Словесностей: *учебной и дѣловой*, вмѣсто взаимнаго ихъ содѣйствія на пользу службы, воздвигнуты между ними преграды; съ одной стороны отъ ученыхъ, въ томъ ложномъ понятіи, что дѣловый слогъ не есть Словесность, а только *языкъ подъяческій*, и что ему учиться не нужно послѣ правилъ общей Словесности; съ другой, отъ людей дѣловыхъ, въ равно-ложномъ заключеніи, что классическая Словесность есть одно *педанство*, ни къ чему въ службѣ негодное. Дѣйствительно не было-бы ничего не умѣстнѣе, какъ самый дѣловый Директоръ Министерскаго Департамента на каѳедрѣ Профессора Словесности; но это было-бы еще менѣе странно и особливо не такъ вредно, чѣмъ Профессоръ Словесности Директоромъ Департамента. — Какъ-же согласить Словесность классическую съ дѣловою? Такъ какъ Математика соглашается съ предметами Министерства Финансовъ и Межевыми, Химія съ управленіями Горнымъ и Медицинскимъ, Астрономія съ

Морскимъ. — *Классическая словесность есть приготовленіе къ дѣловой*, и, по настоящему, сія послѣдняя должна быть, и вѣроятно со временемъ будетъ, введена въ первую, которая безъ того не только не полна, но и главной цѣли своей не достигаетъ; ибо изъ пятидесяти студентовъ, слушающихъ лекцію Словесности, едва десять готовятъ себя въ Учители и еще менѣе въ Профессоры оной, между тѣмъ, какъ всѣ прочіе имѣютъ въ ней нужду, какъ въ средствѣ вспомогательномъ для другихъ наукъ, и особливо *для службы гражданской или военной*, къ которой себя предназначаютъ. Слѣдственно изученіе правилъ дѣловаго слога должно быть необходимымъ и однимъ изъ главныхъ предметовъ классической Словесности.

По сему взглянемъ, хотя поверхностно, на исторію нашего дѣловаго языка; ибо и для сего предмета историческихъ памятниковъ въ расположеніи привашнаго писателя нѣтъ, и долженъ онъ руководиться однимъ преданіемъ и собственными наблюденіями.

Нашъ дѣловой слогъ можно раздѣлить, по времени и вкусу его, на три періода: *древній*, *средній* и *новый*. Въ мой предметъ не входитъ первый; ибо преобразованіе Россіи, со временъ Государя Петра Великаго, отъ коихъ начинается средній, какъ въ обычаяхъ, такъ и въ нравахъ, провело между сими двумя періодами весьма рѣзкую черту, и время, за ней оставшееся, отдѣлено отъ насъ, по крайней мѣрѣ въ семъ отношеніи, какъ-бы многими вѣками. Я долженъ сказать однакоже, что древняя Дѣловая Словесность наша, отъ духовной Владиміра до правительственныхъ актовъ Царя Алексѣя Михайловича и Царевны Софіи, составляетъ предметъ тѣмъ болѣе достойный любопытства и изученія, что мы находимъ въ Исторіи вѣрный слѣдъ къ его познанію, обширное поле упражненія, и такія образцовыя произведенія, до коихъ въ новомъ едва-ли мы еще дошли; но здѣсь коснулся я сего только для связи.

Слогъ всегда несетъ на себѣ общую печать своего времени и частныя тѣхъ от-

личныхъ умовъ, кои имъ владѣли. При Государѣ Петрѣ Великомъ, дѣловой языкъ наполненъ былъ выраженіями и оборотами иностранными; ибо многія установленія, отъ другихъ народовъ заимствованныя, части и даже дѣйствія ихъ, не имѣли Русскихъ названій. Писали мало, ибо круговращеніе Государственныхъ отношеній было медленно и не обширно. Письмо замѣнялось изустными повелѣніями, личнымъ присутствіемъ, посылкою чиновниковъ. Не было установленій, опредѣлительно разграничивающихъ власти: *законодательную, судную* и *исполнительную*, и постояннаго обсуживанія (*discussion*) дѣлъ; предварительнаго ихъ объясненія на бумагѣ и исторіи хода ихъ, въ извѣстной формѣ. Многіе были съ отличнымъ дарованіемъ чиновники; но слога дѣловаго и государственнаго не было, и потому примѣчательныхъ памятниковъ его отъ сего времени не осталось.

Мнѣ случалось, въ 1811 году, имѣть въ своемъ расположеніи бумаги собственной

канцелярін Петра Великаго. Онѣ состоятъ по большей части изъ черновыхъ Указовъ, кои Государь сей писалъ, по мѣрѣ надобности, гдѣ встрѣтилось между прочимъ на полковыхъ дворахъ двухъ существовавшихъ тогда полковъ Гвардіи; прочія же суть докладныя записки, переплетенныя въ книги, неизвѣстно кѣмъ сочиненныя, довольно чистымъ по тогдашнему слогомъ написанныя, въ половину листа, съ собственноручными его поправками и добавленіями на поляхъ, такъ связными, что многія и разобрать никакъ не возможно.

Слогъ сей воздѣлывался медленно до временъ Екатерины Второй. Въ Ея царствованіе получилъ онъ нѣкоторый опредѣлительный характеръ, но все еще отзывался и въ лучшихъ произведеніяхъ или неупражненіемъ въ Словесности тѣхъ дѣловыхъ писателей, кои, по недостатку воспитанія, принуждены были образоваться самоучкою, или *смѣсью Славянскаго языка съ Русскимъ*, которая, по обученію нѣкото-

рыхъ изъ нихъ въ духовныхъ училищахъ, была ими вводима, и долго *неправильно* почиталась *высокостію слога.* Царствованію Благословеннаго предоставлена была, со всѣми родами славы, и та, которая принадлежитъ Ему за образованіе слога Дѣловаго и Государственнаго: счастливый выборъ и дарованіе людей, Его окружавшихъ, немедленно дали симъ слогамъ отпечатокъ Александрова характера *личнаго и Царственнаго.* Всѣ публичные акты его приняли. На словахъ и на письмѣ открылось обсуживаніе дѣлъ, столь выгодное для воздѣланія Служебной Словесности. Нѣкоторыя Государственныя сословія получили такое образованіе, которое непремѣнно требовало разсужденій о дѣлахъ при свидѣтеляхъ. Учредились Министерства, кои обсуживаніе дѣлъ и пояснительныя о нихъ разсужденія перенесли изъ кабинета Государева въ кабинеты Министровъ. Дѣловый и Государственный языкъ чистый, сильный и пріятный сдѣлался необходимымъ. Отличнымъ дарованіямъ открылось обширное поле и вѣрный путь къ

возвышенію. Все на него устремилось и умы классическіе вступили. Одинъ изъ нихъ (*) составилъ эпоху въ нашей Дѣловой и Государственной Словесности. При образованіи Министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ коллегіальной формы разныхъ управленій, на мѣсто приказнаго слога, почитавшагося дотолѣ дѣловымъ, явился во всѣхъ его актахъ классическій дѣловой и государственный слогъ. Журналъ того времени, при семъ Министерствѣ издававшійся подъ именемъ *С. Петербургскаго*, заключаетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ образцовыя произведенія сего періода и можетъ служить училищемъ для чиновниковъ, въ гражданскую службу вступающихъ.

Главныя свойства сего преобразованнаго служебнаго слога суть: правильность языка, точность, краткость, благородная *простота*, и нужная въ разныхъ случаяхъ сила; обогащеніе его смѣлымъ и счастли-

(*) М. М. Сперанскій.

вымъ переводомъ многихъ словъ, кои почитались дотолѣ техническими, или чуждыми слогу дѣловому; порядокъ систематическій въ изложеніи предметовъ сложныхъ, и согласный съ правилами общей Словесности въ самыхъ краткихъ бумагахъ; приличный каждому акту тонъ. Сіе облагороженіе канцелярскаго языка заставило неучившихся дотолѣ дѣловыхъ людей учиться, а тѣхъ, кои получили нужное образованіе, привлекло въ Гражданскую и особенно въ Департаментскую службу. Отъ сего произошло то, что когда отличныя дарованія преобразователя дѣловаго нашего слога возвели его на высшую степень, слогъ, имъ введенный, остался въ образцахъ и людяхъ, имъ образованныхъ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и вошелъ въ другіе, особенно-же въ Министерство финансовъ, которое вступило на сей путь непосредственно за первымъ, Два тогдашніе Министра внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, (*) по доброму ихъ

(*) Графъ, что нынѣ Кн. Кочубей, и Гр. Гурьевъ.

вкусу и собственной образованности, привязали имена свои къ чести сего преобразованія, умѣя выбирать людей, цѣнить и ободрять отличныя ихъ дарованія. И такъ собственно съ сего только времени началась у насъ настоящая Дѣловая и Государственная проза.

ГЛАВА I.

О предметѣ Дѣловой Словесности вообще и различіи ея отъ слога приказнаго.

Предметъ Дѣловой Словесности объемлетъ всѣ роды письменныхъ и многихъ изустныхъ сношеній по всѣмъ частямъ Государственнаго управленія.

Изъ сего исключить должно предметы *Словесности приказной* трехъ родовъ:

1-е) *Канцелярской* Присутственныхъ мѣстъ; 2-е) *актовой* или той, которая имѣетъ форму, опредѣленную закономъ, на примѣръ: закладная, вѣрующее письмо и проч., и наконецъ 3-е), *обрядовой*, которая установилась какимъ-то приказнымъ преданіемъ, вошла въ обычай и составила особенный языкъ, не только совершенно варварскій, но и вредный по обоюдности его выраженій и удобству разныхъ на немъ увертокъ.

Сей языкъ ввелся у насъ необходимостію употреблять людей почти безграмотныхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *подьячихъ*, кои составили цѣлую свою словесность, для ябеды и разныхъ ихъ пронырствъ удобную и которую передаютъ они, упражненіемъ, отъ отца къ сыну, *поколеніями.* Симъ доказывается только то, что языкъ особаго рода для сихъ отношеній существовать долженъ, что его у насъ еще нѣтъ, и что по сему недостатку, классъ совершенно безграмотный и часто неправственный, ввелъ на мѣсто его какое-то свое *нарѣчіе*, темное и запутанное, и именно по сему, для него, во всѣхъ смыслахъ выгодное.

Безчисленное множество дѣлъ и особенно продолженіе ихъ въ нижнихъ инстанціяхъ, происходятъ безъ сомнѣнія отъ сего искаженія приказнаго языка, но его поправить искуственнымъ образомъ невозможно. — Воспитаніе дѣтей приказнослужительскихъ и облагороженіе сего несчастнаго доселѣ класса порядочнымъ со

держаніемъ, равнó какъ и распростране-ніе воздѣланности служебнаго языка изъ мѣстъ высшаго Правительства на низшія, введется нечувствительно привычкою и нѣкоторымъ родомъ обычая, но не иначе какъ постепенно и медленно.

Мы важный уже шагъ сдѣлали въ томъ, что такъ можемъ нынѣ говорить о семъ языкѣ, который не болѣе двадцати двухъ или трехъ лѣтъ назадъ почитался *дѣловымъ* и былъ уважаемъ даже людьми Государственными.

И такъ предметъ сего Опыта есть только *дѣловый языкъ*, употребляемый высшими Государственными сословіями и лицами, и главнѣйшими, подъ ними, мѣстными Начальниками.

Словесность Государственная, т. е. языкъ актовъ, отъ лица Державной власти непосредственно исходящихъ, составляетъ особый предметъ II-й главы сего Опыта.

Общія свойства языка дѣловаго суть: *правильность*, *чистота*, *краткость*, *благородная простота*, *точность* и *приличіе*. Для избѣжанія повтореній все сіе будетъ подробно раскрываемо въ особенномъ изъясненіи каждаго рода Дѣловой Словесности.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О раздѣленіи Дѣловой Словесности на разные роды.

Власть Державная, въ какихъ бы формахъ и видахъ на охраненіе общественнаго порядка она ни дѣйствовала, издаетъ акты трехъ родовъ: *законодательные*, *судные* и *распорядительные*.

По сему и слогъ Дѣловый, въ общемъ его раздѣленіи, не можетъ быть иной какъ:

I. *Законодательный*.

II. *Судный* и

III. *Распорядительный* (т. е. исполнительный, Полицейскій). Сей послѣдній имѣетъ разныя части:

1. *Военную.*
2. *Дипломатическую.*
3. *Гражданскую*, которая еще подраздѣляется,

на
- а. *Собственно Полицейскую.*
- б. *Финансовую.*
- с. *Ученую.*

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О Слогѣ законодательномъ.

Законы наши суть *велѣнія Державной власти*, въ разныхъ видахъ издаваемыя.

Они имѣютъ свои особенные роды и свой порядокъ утвержденія въ силу закона и обнародованія.

По особеннымъ родамъ своимъ, законы наши раздѣляются на *общіе* или *мѣстные*, либо *частные* или *временные*. Первые могутъ быть *коренные*, а тѣ и другіе *дополнительные*, *истолковательные*, *новые*, или въ *отмѣну* дотолѣ существовавшихъ *издаваемые*.

Порядокъ утвержденія какого-либо опредѣленія Державной власти, въ силу закона, бываетъ различенъ, и именно:

1. Онъ непосредственно выражаетъ Ея волю.

2. Онъ выражаетъ волю Ея на непосредственный докладъ какого-либо Государственнаго сословія, либо лица.

3. Онъ выражаетъ волю Ея на мнѣніе Государственнаго сословія или лица, высшимъ Государственнымъ сословіемъ, по Ея велѣнію, обсужденное.

Всѣ сіи роды опредѣленій Державной власти облекаются въ силу закона двумя способами: подписомъ Лица Державнаго, или письменнымъ объявленіемъ Его воли, чрезъ такого Государственнаго чиновника, коему право сіе предоставлено.

Какъ рѣчь о Дѣловомъ слогѣ ограничивается тою чертою, гдѣ дѣла доходятъ

до высшихъ Государственныхъ сословій и Лица Державнаго, то изданіе актовъ Державной власти въ разныхъ ихъ видахъ, отнесено къ высшему роду Дѣловой Словесности, т. е. *къ Государственной*, составляющей предметъ второй главы сего Опыта. Слѣдовательно *къ Дѣловой Словесности* принадлежатъ собственно только тѣ бумаги, кои восходятъ на утвержденіе Лица Державнаго; а исходящія отъ Него составляютъ предметъ Словесности Государственной.

Проэктъ закона, при восхожденіи его отъ какого-либо лица или сословія на утвержденіе Державной власти, долженъ пройти разныя степени его составленія, кои суть:

1. *Собраніе всѣхъ свѣдѣній, къ обсужденію предмета необходимыхъ.*

2. *Представленіе ихъ въ связи и соображеніе съ проэктомъ закона.*

3. *Обсужденіе всѣхъ сихъ отношеній дѣла въ совокупности, окончательное объ ономъ заключеніе, и наконецъ*

4. *Представленіе сего заключенія на уваженіе Державнаго Лица вмѣстѣ съ проэктомъ закона, къ утвержденію Его подносимаго.*

СТАТЬЯ I.

О правилахъ законодательнаго слога при собраніи первыхъ свѣдѣній.

При собраніи первоначальныхъ свѣдѣній, къ обсужденію проэкта закона нужныхъ, особенно наблюдать должно *точность* и *простоту*; ибо всякое опереживаніе мнѣній, и сужденіе, столь свойственное неопытности чиновника, желающаго упражнять свое краснорѣчіе и выказать свои способности, весьма вредно на сей первой степени дѣловаго исполненія. Здѣсь должны быть только, такъ сказать, *механически* собираемы всѣ первоначальные матеріалы къ дѣлу, въ хронологическомъ порядкѣ и собственномъ ихъ видѣ, съ величайшею

точностію. Выводимые *въ сей родъ справки* законы должны быть выписаны, сколь можно, *слово въ слово.* А тѣ изъ нихъ, кои по обширности, будучи въ подлинникѣ представлены, для облегченія читателей извлечены, должны сохранить, при существенномъ ихъ смыслѣ, самый *слогъ своего времени*; ибо нерѣдко неосмотрительный замѣнъ одного слова другимъ *несвойственнымъ,* перемѣняетъ разумъ закона и искажаетъ мысль законодателя.

Достоинство собирателя первоначальныхъ свѣдѣній, къ проэкту закона нужныхъ, состоитъ единственно въ выразумѣніи смысла, въ обширнѣйшемъ, сколь можно, объемѣ предѣловъ дѣла, которымъ онъ заняться долженъ, и въ точномъ исполненіи даннаго ему порученія. Всѣ свои способности и вниманіе долженъ онъ поработить на то время сему терпѣливому розысканію, понимая всю важность своего труда для занятій послѣдующихъ.

Въ дѣлѣ служебномъ нѣтъ работы низ-

кой и отвязанной отъ важныхъ соображеній ума обширнаго.

СТАТЬЯ II.

О представленіи первоначальныхъ свѣдѣній и соображеніи ихъ съ проэктомъ закона.

Когда первоначальныя свѣдѣнія о какомъ-либо перемѣняемомъ или вновь предложенномъ законѣ собраны, тогда дѣло о семъ предметѣ вступаетъ *во вторую его степень.*

Здѣсь отбрасывается все лишнее, оставляется только то, что *необходимо*, и начинается *соображеніе* съ проэктомъ закона, которое состоитъ въ предварительномъ изъясненіи: 1) необходимости пополненія, объясненія, перемѣны или отмѣны прежняго закона; 2) истолкованіе или служебно-ученое раскрытіе разума предлагаемаго проэкта, и наконецъ 3) самый текстъ его.

Въ запискѣ о необходимости перемѣны закона должно быть:

a.) Историческое изложеніе обстоятельства, служившаго къ тому поводомъ.

b.) Изъясненіе причинъ, непремѣнно требующихъ сего дѣйствія законодательной власти, и опредѣленіе степени, до которой существующій законъ измѣняется, то есть *объясненіе*, *дополненіе*, *отмѣна* или *перемѣна* его предполагаются.

c.) Доказательство, что представляемый законъ основанъ на общемъ правѣ и приспособленъ къ разуму нашего Государственнаго и Гражданскаго права.

d.) Истолкованіе нѣкоторыхъ статей проэкта, кои, по сжатости законодательнаго слога, могутъ требовать объясненія не въ смыслѣ, который, какъ увидимъ ниже, для всякаго долженъ быть легко понятенъ, но въ побудительной къ нимъ причинѣ.

Въ первой части сей записки (a) слогъ долженъ быть историческій, простой и ясный, безъ всякаго украшенія; ибо достоинство его состоитъ единственно въ быстромъ и потому краткомъ представленіи произшествій, по большей части слушателямъ извѣстныхъ, и только для связи и будущаго соображенія припоминаемыхъ. Чѣмъ кратче *всё существо* начала дѣла представлено, тѣмъ вступленіе лучше.

Вторая часть (b) можетъ, ежели нужно, вмѣщать *разсужденіе* и раздробленіе (analyse), коихъ предметы могутъ быть напримѣръ: 1. перемѣна положенія Имперіи въ географическомъ, статическомъ, политическомъ или торговомъ ея отношеніи; 2. время, измѣненіе обычаевъ или нравовъ; 3. небывалый случай, котораго прежнее законодательство не предвидѣло; 4. злоупотребленіе, подъ бывшій законъ подкравшееся, и проч.

Сія часть записки требуетъ слога мо-

нѣе сухаго, чѣмъ историческій, и допускаетъ уже нѣкоторыя красоты изложенія *пріятнаго* и, въ извѣстной мѣрѣ, *ученаго*. Но ни красота сія, ни ученость не должны отзываться школою. Достоинство дѣловаго слога и добрый вкусъ его допускаютъ ихъ въ той только мѣрѣ, какъ могутъ онѣ быть терпимы въ отношеніяхъ Государственныхъ, или въ общемъ разговорѣ просвѣщенныхъ дѣловыхъ людей, но *не болѣе*; ибо нѣтъ приличія лицу подчиненному читать предъ сословіемъ, составленнымъ изъ особъ гораздо его высшихъ и опытнѣйшихъ, ученый трактатъ въ видѣ наставника.

Въ третей части (с) излагается дѣло *юридически* и сколько можно простѣе, дабы ученая затѣйливость не дала ему вида *диссертаціи* и не остановила, сею вспомогательною только къ нему статьею, *хода главныхъ обстоятельствъ*. Всякій чиновникъ, докладывающій по какому-либо предмету, долженъ прежде всего понять свою обязанность: онъ не учитель, но исполни-

тель подчиненный, котораго долгъ есть только облегчить трудъ судящихъ приготовительнымъ обработаніемъ дѣла, извѣстнаго имъ лучше докладчика, по ихъ долговременной опытности и обширнѣйшему кругу гражданскаго дѣйствія.

Истолкованіе статей проэкта представляемаго закона (d) есть только нѣкоторый родъ объяснительнаго примѣчанія о побудительной ихъ причинѣ, которая изъ самаго дѣла *не очевидна* и къ ясности полнаго о немъ понятія *нужна.* Примѣчанія сіи должны быть только по необходимости допущены и сколь можно кратки. Ибо онѣ часто, въ рукахъ неопытныхъ чиновниковъ, вмѣсто объясненія дѣла, *затемняютъ его*, отводя вниманіе на предметъ посторонній, или сами требуя особыхъ поясненій, или загромождая дѣло безполезными ссылками, либо напрасно объясняя то, что никакого объясненія не требуетъ.

СТАТЬЯ III.

Обсужденіе всѣхъ отношеній представляемаго дѣла въ совокупности и окончательное по оному заключеніе.

Когда всѣ принадлежащія къ дѣлу свѣдѣнія и самый текстъ предлагаемаго закона, судящимъ его сословіямъ, выслушаны, тогда открывается разсужденіе. Здѣсь по всякому вѣроятію можетъ и должно имѣть мѣсто законодательное преніе. Частный образъ мыслей, познанія болѣе или менѣе обширныя, страсти, виды личные, превосходство дарованій, однихъ предъ другими, даръ слова, болѣе или менѣе сильный, даютъ обыкновенно, при первомъ докладѣ, особливо въ многочисленномъ сословіи, такой видъ дѣлу, что не легко заключить: *въ чемъ состоитъ мнѣніе большинства членовъ?* — Установленіе разрѣшать сіе обстоятельство собираніемъ голосовъ, не всегда къ тому достаточно; ибо часто, вмѣсто двухъ различныхъ мнѣній, представляется ихъ пять или шесть. Какъ

шутъ поступить докладчику, который долженъ составить рѣшительный протоколъ или докладъ, при поднесеніи проэкта закона на окончательное утвержденіе Державной власти, съ краткимъ и яснымъ изложеніемъ всего дѣла?

Здѣсь раскрывается искуство и опытность докладчика. Онъ быстро замѣчаетъ существо различія мнѣній и словесно представляя самое краткое и *осторожное* изъ нихъ извлеченіе, даетъ средство Предсѣдателю собранія положить рѣшительный вопросъ, отъ котораго все постороннее и побочное само собою отпадаетъ. Люди, кои спорили о несущественномъ, или говорили разными словами одно и тоже, пристаютъ къ мнѣнію которой либо изъ двухъ сторонъ, и дѣло входитъ въ законный свой порядокъ.

Но искуство сіе докладчика не легко пріобрѣтается; онъ долженъ дойти до него, при нужномъ дарованіи, при ловкомъ дарѣ слова, долговременнымъ упражненіемъ, и употреблять его, не увлекаясь никакимъ

пристрастіемъ; но съ однимъ чистымъ побужденіемъ блага общаго. Иначе страстное его выраженіе не только не успокоитъ страстныхъ преній, но возбудитъ и ожесточитъ ихъ; ибо люди рѣдко публично изъясняютъ свой образъ мыслей съ совершеннымъ безпристрастіемъ и отчужденіемъ личныхъ видовъ тщеславія, своекорыстія или самолюбія, и потому докладчикъ долженъ употребить въ семъ случаѣ всю ловкость оратора, *не имѣя его оружій*; ибо не имѣетъ права на *убѣжденіе*, а долженъ только, *по долгу секретаря*, представить разно-мыслящимъ какъ бы собственное ихъ мнѣніе въ *согласительномъ извлеченіи*, и тѣмъ уронить, *мимоходомъ* и непримѣтно, все постороннее и свести сущность многихъ мнѣній въ одинъ *положительный вопросъ*.

Искуство сіе тѣмъ труднѣе, что письменнаго слѣда къ нему въ дѣлахъ найти не можно. Молодому чиновнику должно руководиться наблюденіемъ за отличнѣйшими изъ тѣхъ людей, коихъ мѣсто онъ нѣкогда занять можетъ, и ихъ наставленіями. Они

ему откроютъ, что сей родъ *докладнаго* такъ сказать *ораторства*, предъ какимъ либо законодательнымъ сословіемъ, представляетъ великія трудности, требуетъ наблюденія систематическаго и тѣмъ болѣе внимательнаго и тонкаго, что сверхъ общаго понятія о страстяхъ, во всѣхъ людяхъ дѣйствующихъ, въ каждомъ дѣлѣ встрѣчается множество видовъ, соображеній и пристрастій *мѣстныхъ*.

Здѣсь должно сказать нѣсколько словъ о такомъ предметѣ, который, почитаясь отъ многихъ совершенно ничтожнымъ, имѣетъ *всегда* большое вліяніе на пріятность доклада, а *весьма часто* и на успѣхъ самаго дѣла: *о чтеніи*. Всѣ думаютъ, что читать умѣютъ, и между тѣмъ дарованіе хорошо читать дѣловую бумагу, предъ какимъ либо сословіемъ, весьма рѣдко. Читатель, не изучившій внимательно сего искуства, обыкновенно впадаетъ въ одну изъ двухъ главнѣйшихъ погрѣшностей: или, выучась дѣловому чтенію самоучкою, онъ представляетъ себѣ, что оно есть нечто иное,

какъ чтеніе обыкновенное, которое нужно только *оподъячить*, старается читать громко и по приказному выраженію *бойко*; предается своему голосу, не зная имъ *управить*, забываетъ общія правила чтенія, и наилучше написанную бумагу до того изказитъ, что достоинство ея дѣлается для слушателя непримѣтнымъ; или *декламируетъ*, какъ на университетской каѳедрѣ. То и другое, каждое въ своемъ родѣ, равно несносно и утомительно для слушателей, а для дѣла вредно. Между сими двумя крайностями есть средина, которую каждому находить для себя довольно трудно; ибо долго учиться надобно опытомъ и *на счетъ* такихъ людей, коихъ первое понятіе о докладчикѣ не рѣдко рѣшаетъ служебную судьбу его на будущее время.

Докладчикъ есть дѣловой ораторъ, котораго главный предметъ состоитъ въ томъ, чтобы съ *успѣхомъ провести* порученное ему дѣло, какимъ либо сословіемъ или лицемъ правительственнымъ. Наружность его и приступъ къ чтенію должны быть

цѣли сей сообразны: скромны, тихи и, во всемъ смыслѣ слова, приличны; ибо съ перваго на него взгляда слушатель *къ нему*, или *противъ него* уже предубѣждается.

Онъ долженъ знать всю важность и силу дѣловаго чтенія. Оно требуетъ, чтобы приготовляемыя къ докладу бумаги были четко и исправно переписаны, дабы ни связность почерка, ни недостатокъ, либо неисправность знаковъ препинанія его не затрудняли. Оно должно начинаться довольно тихо, съ постепеннымъ возвышеніемъ голоса, и продолжаться плавно, дабы каждое слово имѣло время дойти до самаго отдаленнаго изъ слушателей. Голосъ читателя долженъ непримѣтно возбуждать особенное вниманіе на мѣстахъ важныхъ, указывать переходы отъ одного предмета къ другому, быть ускоряемъ на матеріяхъ, уже читанныхъ и только для связи либо порядка вводимыхъ, и пріостанавливаться на главныхъ раздѣленіяхъ, для отдыха какъ читателя, такъ и слушателей. Но при семъ опять должно избѣгать двухъ

крайностей: *декламацiи*, которая въ дѣловомъ чтенiи всегда неумѣстна и странна, и *протяжности*, часто несправедливо принимаемой неопытными читателями *за ясность и плавность*, которая томитъ и усыпляетъ вниманiе, равно какъ и нестерпимая *однообразность* чтенiя.

СТАТЬЯ IV.

О представленiи закона на утвержденiе Державной власти и слогъ его текста.

Когда сословiе, обсуждавшее проэктъ закона, положило свое окончательное на него мнѣнiе, одобривъ его совершенно, или съ нѣкоторыми условiями, какъ то: поправками, либо перемѣнами; тогда поступаетъ дѣло на разсмотрѣнiе, а законъ на утвержденiе Лица Державнаго.

Бумага, которою сiе дѣйствiе исполняется, именуется *докладомъ*.

Докладъ долженъ представлять кратко всю исторiю подносимаго въ проэктѣ за-

кона, т. е. a) причину, побудившую къ его составленію; b) мнѣніе о немъ законодательнаго сословія; c) перемѣны, въономъ сдѣланныя. Причина, всегда уже извѣстная Лицу Державному, ибо по Его повелѣнію дѣло начато, должна быть изъяснена кратко, для припомянованія. Изъ мнѣній должно быть взято одно существенное, и только къ важнымъ перемѣнамъ въ проэктѣ относящееся; ибо подробность докладу не прилична и безполезна, потому что, на случай надобности, можетъ быть всегда усмотрѣна изъ заключающагося въ дѣлѣ протокола, который для сего обыкновенно къ докладу приносится. О перемѣнахъ текста *несущественныхъ* и маловажныхъ, также, по сей причинѣ, упоминать нѣтъ надобности.

Слогъ доклада долженъ быть *повѣствовательный*, безъ особой сжатости краткій и отличающійся благородною простотой. Подобающее Верховной власти высокопочтеніе, должно въ немъ повсюду само собою выражаться, но къ стати, безъ уси-

лія и неумѣстныхъ похвалъ, всегда противныхъ высокому чувству и благородной скромности Лица Державнаго.

Текстъ закона, какого-бы рода онъ ни былъ, (ибо о каждомъ родѣ въ особенности сказано будетъ въ послѣдствіи) долженъ быть написанъ, смотря по большей или меньшей его сложности, съ нужнымъ раздѣленіемъ на *Главы, Отдѣленія* и *Параграфы*. Раздѣленіе сіе должно быть не произвольное, но естественное, постепенному раскрытію матеріи и воли Законодателя. Какъ оно дѣлается только для порядка изложенія и ясности его, то и не должно затемнять дѣла собственною сложностью и введеніемъ излишнихъ подраздѣленій, а ограничиваться необходимѣйшими. Въ матеріи несложной нѣтъ нужды въ принужденномъ ея раздѣленіи.

Законъ есть выраженіе Державной воли на охраненіе общественнаго порядка, къ общему свѣдѣнію и исполненію издаваемое. По сему естественно, что воля сія долж-

на быть изъяснена: a) *съ достоинствомъ*; b) *съ ясностію*, дабы каждый могъ понять законъ; c) *кратко*, дабы легко было его упомнить; d) *опредѣлительно*, дабы не могла она подвергаться кривому толку недоразумѣнія или злонамѣренности.

И такъ общія свойства законодательнаго слога суть: *опредѣлительность*, *краткость*, *ясность* и *благородная простота*; ему равно не приличны и многословныя изъясненія, и неудобопонятная сжатость, и высокопарность. Какъ скоро точная опредѣлительность законодательнаго слога строго соблюдена, то всѣ прочія его свойства какъ-бы истекаютъ изъ нея; ибо вѣрное извлеченіе неразрывной цѣпи предложеній, одно цѣлое составляющихъ, само собою не потерпитъ не только ни одного лишняго слова, ниже произвольной перестановки словъ, и симъ по необходимости образуется слогъ *краткій*, *ясный* и *простой*.

Законъ, по разнообразію формъ его, можетъ быть:

I. Уложеніе или Учрежденіе.
II. Уставъ или Положеніе.
III. Инструкція или Наставленіе.
IV. Указъ.
V. Манифестъ.

1. *Уложеніе* или Учрежденіе, *Уставъ* или Положеніе, имѣютъ свойства общія, съ нѣкоторыми только по предмету ихъ оттѣнками.

Смотря по обширности своей, они раздѣляются на *Части*, *Главы*, *Отдѣленія*, *Статьи* и *Параграфы*.

Раздѣленіе сіе необходимо, какъ для естественнаго порядка изложенія, такъ для легчайшаго припамятованія и скораго, въ нужномъ случаѣ, пріисканія каждой статьи.

Въ раздѣленіи семъ должна быть соблюдена самая строгая правильность, съ избѣжаніемъ схоластическихъ раздробленій и тонкостей.

Общее раздѣленіе матеріи должно составлять *Главы*; *подраздѣленія* ея, *Отдѣленія*, кои по самой только необходимости могутъ быть еще дѣлимы на *Статьи*; ибо большая раздробительность, вмѣсто порядка и ясности, произвела-бы, напротивъ, смѣшеніе и темноту.

Слогъ сего рода законовъ долженъ быть повсюду *равенъ*, т. е. единообразенъ во всѣхъ частяхъ Уложенія, Устава или Положенія, дабы малѣйшая смѣсь высокаго съ низкимъ, или перемѣна тона повелительнаго на истолковательный, либо убѣждающій, не нарушили достоинства, закону свойственнаго.

Сіе искуство, ненарушимо выдержать приличный тонъ, въ большомъ и сложномъ законоположеніи весьма трудно; ибо редакторъ говоритъ *не за себя*, языкомъ для него необыкновеннымъ, и въ сочиненіи не разомъ пишущемся, непрестанно сіе положеніе свое припоминать себѣ долженъ.

Примѣръ и чтеніе лучшихъ въ семъ родѣ произведеній въ то самое время, какъ писать надобно, всего удобнѣе настроиваютъ слогъ редакціи на приличный ей тонъ.

Такъ образуются отличные Дѣловые и Государственные писатели; и тотъ кто, ослѣпясь высокимъ мнѣніемъ о собственномъ дарованіи, по самонадѣянію пренебрежетъ сіе средство, никогда таковымъ не будетъ.

2. *Инструкція или Наставленіе* какому либо сословію и лицу, могутъ быть временныя или постоянныя. (Здѣсь не говорится объ Инструкціяхъ дипломатическихъ, которыя отнесены къ особому отдѣленію.)

Онѣ суть: или пояснительное дополненіе къ закону, или законъ временный, въ ожиданіи постояннаго, или руководство въ такомъ чрезвычайномъ обстоятельствѣ, къ которому общіе законы приложены быть не могутъ.

Слогъ Инструкціи долженъ быть сообразенъ: во первыхъ съ важностію сословія или лица, коему она дается; во вторыхъ съ ея предметомъ или обстоятельствомъ.

Смотря по симъ условіямъ, тонъ наставительный, изъясненія подробныя, положительность повелѣнія, соразмѣряются.

Каждая Инструкція должна имѣть свое, болѣе или менѣе, краткое *вступленіе*, и по изложеніи положительныхъ предписаній, приличное *заключеніе*, въ которомъ въ разнообразныхъ выраженіяхъ обыкновенно изъявляется довѣріе Повелѣвающаго къ точному исполненію изъясненной Имъ воли, и увѣренность, что для успѣха въ ономъ, опытность, усердіе и дѣятельность сами дополнятъ все то, что въ наставленіи не могло вмѣститься.

Оттѣнки уваженія къ сословію или довѣренности и благоволѣнія къ лицу, Инструкцію получающему, изъявляются, кромѣ положительнаго ихъ изъясненія, то-

номъ ея. Слова: *предписываю*, *приказываю*, замѣняются выраженіями *поручаю*, *ожидаю отъ васъ*, *вы не оставите*, *мнѣ пріятно будетъ*, и прочее.

Выраженія: *вы имѣете*, *сіе имѣетъ быть* и прочее, въ Инструкціяхъ сословіямъ избѣгаются, какъ слѣды языка приказнаго, а къ лицамъ замѣнены могутъ быть повелительными: *объявите*, *наблюдите*, *вы не оставите*, *сіе должно быть*, и прочее.

3. Указы Именные, какъ акты, отъ Державной власти непосредственно исходящіе, принадлежатъ къ статьѣ о Государственной Словесности, почему здѣсь надлежало-бы говорить только объ Указахъ Правительствующаго Сената и Мѣстъ Присутственныхъ; но какъ первые имѣютъ свою извѣстную форму, а Указы разныхъ Присутственныхъ Мѣстъ потому только такъ именуются, что Мѣста сіи не могутъ издавать иначе присвоенныхъ имъ распоряженій, какъ именемъ Императорскаго Величества: то родъ сихъ бумагъ и

относится къ Обрядовой Словесности, о коей говорено уже въ особой статьѣ.

Сюда бы принадлежали Именные Указы и Манифесты, при коихъ издаются какіе-либо особенные Уставы или Положенія; но какъ и сіи акты проходятъ въ составѣ самихъ узаконеній всѣ степени разбора и обсужденія, то о слогѣ ихъ, послѣ статей предшествовавшихъ, остается сказать только: 1-е, что они не входя ни въ какія подробности истолкованій или объясненій, должны единственно излагать главныя черты, *духъ дѣла*, то есть причину новаго законоположенія; существо его; отмѣны въ законодательномъ, либо распорядительномъ порядкѣ, имъ производимыя; указаніе отношенія его къ существующему порядку, и 2-е, что слогъ ихъ, при краткости и простотѣ законодательнаго, долженъ отличаться отъ него нѣкоторою степенью важности, свойственной такому акту, который какъ-бы *освящаетъ* самый законъ въ его достоинство и силу.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

СТАТЬЯ II.

О Слогѣ Судномъ.

Именные Указы по дѣламъ Суднаго порядка принадлежатъ къ статьѣ о Государственномъ Слогѣ. Указы Правительствующаго Сената и разныхъ Присутственныхъ Мѣстъ, равно какъ доклады, опредѣленія, журналы и протоколы, просьбы, жалобы, аппеляціи и проч., имѣютъ свою особенную форму.

Слѣдовательно, здѣсь должно обратить вниманіе на тѣ только *необрядовыя бумаги* порядка Суднаго, кои за сими исключеніями остаются.

Онѣ суть: 1-е. *Отвѣты и Объясненія судящихся или судимыхъ*, и 2-е, *Мнѣніе судящихъ.*

Въ бумагахъ перваго рода искуство редактора, доказывающаго чьи либо право

или невинность, состоитъ: a) въ пораженіи противника своего его собственнымъ оружіемъ, указаніемъ на его противорѣчія, на его нарушеніе закона, формъ и приличій; ибо сіе есть лучшій приступъ къ защитѣ своихъ правъ или лица, потому что послѣ сего, ежели онъ хорошо и справедливо сдѣланъ, облегчается недостатокъ доказательствъ положительныхъ, сокращается трудъ дѣлать ихъ на притязанія или обвиненія, опровергнутыя; доказательства или оправданія, въ послѣдствіи приводимыя, получаютъ вспомогательную силу, которая предварительно располагаетъ судящихъ въ ихъ пользу. b) Въ простомъ порядочномъ и удобномъ къ упамятованію изложеніи, которое для сего, сверхъ правильнаго расположенія и связи, должно быть облегчено естественными раздѣленіями, для соблюденія коихъ, ежели бумага противника расположена, какъ то часто бываетъ, съ намѣреніемъ, неправильно и темно, должно составить изъ нея для отвѣта извлеченіе *точное*, но правильное и ясное, указавъ гдѣ нужно, какъ-бы мимо-

ходомъ: *повторенія*, *запутанность*, *темноту* и проч. с) Въ приводѣ сверхъ доказательствъ юридическихъ, подкрѣпленій и доводовъ *нравственныхъ*. Здѣсь однакоже нужна тонкая разборчивость и строгое соображеніе сего способа съ законнымъ порядкомъ и приличіями. d) Въ возбужденіи въ пользу свою всѣхъ благородныхъ чувствъ судящаго Сословія. е) Въ приличномъ выборѣ для каждой статьи защиты или оправданія того тона, который ей свойственъ: *скромнаго* и *безпристрастнаго*, при указаніи на злонамѣренность и ошибки противника; *холоднаго* при отстраненіи его запутанностей и темноты, безъ малѣйшаго изъявленія подозрѣній въ какомъ либо дурномъ, съ его стороны, намѣреніи: *сильнаго* и *разительнаго*, по ясности доводовъ, при доказательствахъ нравственныхъ; *пылкаго* и *благороднаго*, при возбужденіи въ судящихъ чувства, къ успѣху дѣла нужнаго.

Въ разсужденіи слога мнѣній лицъ судящихъ, не надобно забывать, что хотя

кругъ сего краснорѣчія не столько у насъ обширенъ, какъ въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ предметы Суда гражданскаго и уголовнаго предоставлены свѣдѣнію публики, но онъ имѣетъ свою великость и цѣль равно благородную. Защита правъ, чести и личной безопасности гражданина; ограда утѣсненной вдовы и сиротъ беззащитныхъ, безъ похвалъ многочисленныхъ слушателей, безъ обнародыванія въ повременныхъ изданіяхъ, тѣмъ благороднѣе, чѣмъ болѣе безкорыстны.

Расположеніе мнѣнія должно быть сообразно роду его предмета, лицу его изъявляющему, мѣсту, предъ коимъ оно изъясняется, и потому оно можетъ быть весьма разнообразно; но общія правила отвѣтовъ и объясненій, предъ симъ изложенныя, въ нѣкоторой мѣрѣ и къ нему приложены быть могутъ.



ОТДѢЛЕНІЕ IV.

III. *О Слогѣ Управленій распорядительныхъ.*

Здѣсь не будетъ говорено, какъ-бы слѣдовало по порядку, о Дѣловомъ Слогѣ *Духовнаго Управленія*; ибо сохраненъ будучи постояннымъ преданіемъ во всей чистотѣ и достоинствѣ своего особеннаго характера, онъ не имѣетъ нужды въ указаніи, ни недостатка въ примѣрахъ къ подражанію.

Слогъ Управленій распорядительныхъ есть:

1. *Военный*
2. *Гражданскій*
   - a) *Полицейскій*
   - b) *Финансовый*
   - c) *Ученый*
   - d) *Дипломатическій*

О слогѣ Военномъ.

Акты Военнаго Управленія имѣютъ многіе виды и именно:

1. *Приказы.*

Приказы Высочайшіе или военные Манифесты принадлежатъ къ слогу Государственному.

Приказы текущіе имѣютъ свою форму.

Слѣдовательно здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ только приказахъ, кои составляютъ особенный родъ воззваній, въ разныхъ случаяхъ, къ войскамъ, отъ высшихъ лицъ Воинскаго Вѣдомства.

2. *Воинскія воззванія* къ жителямъ заграничныхъ мѣстъ, дѣйствующими арміями занятыхъ.

3. *Реляціи* о сраженіяхъ.
4. *Донесенія* о дѣйствіяхъ арміи.
5. *Военныя Записки* и *Журналы.*

2. *О Воззваніяхъ къ Войскамъ.*

Возванія къ войскамъ могутъ быть:

1. Пріуготовительныя, предъ выступленіемъ въ походъ, или предъ вступленіемъ въ непріятельскую, неутральную, либо союзную землю.

2. Предъ сраженіемъ, или приступомъ.

3. Благодарныя, послѣ приступа, сраженія, или войны.

Общій характеръ сихъ воззваній состоитъ въ *простотѣ*, *благородствѣ* и *краткости*. Военачальникъ, торжественно говорящій къ войску, долженъ употреблять языкъ *солдатскій*, но *не низкій*.

Надобно учиться сему языку изъ Исторіи нашихъ современныхъ войнъ, отъ начала отечественной, съ нужною разборчивостью.

Мы не упоминаемъ здѣсь о языкѣ *Суворова*, хотя весьма часто въ примѣръ ставимомъ; ибо онъ принадлежитъ *ему одному* и, выходя изъ всѣхъ обыкновенныхъ пра-

вилъ, не можетъ быть предметомъ подражанія, и во всѣхъ къ тому попыткахъ выходилъ страннымъ и неумѣстнымъ. Суворовъ принадлежитъ къ лицамъ *неповторяемымъ*.

Пріуготовительныя воззванія къ войскамъ заключаются обыкновенно: a) въ краткомъ и сколь можно простомъ изложеніи ихъ предмета; b) въ возбужденіи къ охраненію строгаго воинскаго порядка, должнымъ уваженіемъ къ вѣроисповѣданію того края, въ который армія вступаетъ; избѣжаніемъ всякаго рода насилій; сохраненіемъ жизненныхъ потребностей для арміи и жителей; пощадою спокойныхъ гражданъ, ихъ имущества и правъ личныхъ и проч; c.) въ изъявленіи благородной надежды въ томъ на войско, къ которому говорится; d.) въ воспоминаніи собственныхъ его доблестей въ подобныхъ положеніяхъ.

Воззванія къ войскамъ предъ сраженіемъ, или приступомъ, должны заключать въ

себѣ краткое, но простое и сильное возбужденіе всѣхъ благороднѣйшихъ чувствъ вѣры, вѣрноподданства и любви къ Отечеству. Въ сіи рѣшительныя минуты великодушнѣйшаго самопреданія воиновъ за Вѣру, за Царя, за Отечество, слабы и холодны рѣчи, напыщенныя воспоминаніемъ прежнихъ блистательныхъ подвиговъ, или будущей славы въ потомствѣ. Изъ легіоновъ Римскихъ одинъ Христіанскій назывался *Громоносньмъ*. Вѣра, присяга и любовь къ Царю и Отечеству суть тѣ святыя чувства, которыя одни прославили воинство наше отъ поля Куликовскаго до приступа къ Варшавѣ, и сими только высокими побужденіями долженъ дѣйствовать редакторъ, но благородно, сильно и кратко.

Слогъ надутый и даже разцвѣченный здѣсь былъ-бы неумѣстенъ; ибо предметъ воззванія такъ высокъ и торжественъ самъ собою, что наборъ словъ не только не придалъ-бы ему силы и красоты, но ослабилъ и охладилъ-бы его. Въ воззвані-

яхъ сего рода не должно также скрывать опасностей предпріятія, ниже выставлять слабости непріятеля и своего надъ нимъ превосходства; ибо сіе унижаетъ славу успѣха, обманываетъ не надолго, дѣлаетъ внезапную опасность ужаснѣе, и нарушаетъ довѣріе на будущее время. Славный Римскій Полководецъ, ступивъ на берегъ Африки, предупреждаетъ Легіоны свои, что они должны пройти степи песчаныя, не встрѣчая воды и подвергаясь зною; но прибавляетъ въ тоже время: *Никто не увидитъ меня первымъ ни у источника, ни въ тѣни*! Вандейскій Генералъ Ларошъ Жакеленъ говоритъ солдатамъ предъ началомъ сраженія: *Если я пойду впередъ — ступайте за мною; ежели побѣгу — убѣйте меня; ежели умру — отмстите!* — Вотъ истинно воинское краснорѣчіе: правдивость, презрѣніе къ неизбѣжнымъ опасностямъ, рѣшимость раздѣлять ихъ, и примѣръ, убѣдительнѣйшій всякаго краснорѣчія.

Характеръ военного слога есть благо-

родная простота и краткость. Выдѣланные и длинные періоды, слова языка высокаго въ немъ неумѣстны. Положеніе Военачальника, говорящаго къ воинамъ большой арміи, или жителямъ обширнаго края, въ такую минуту, когда должна рѣшиться участь цѣлаго народа, или славы его, такъ само по себѣ важно, что невозможно придать ему высокости искуственной. Всякая риторская затѣйливость только ослабила-бы великость положенія и обстоятельствъ.

Самонадѣянность и тщеславныя угрозы равно унижаютъ важность сего рода воззваній; ибо лице, себя выставляющее, мало въ сихъ случаяхъ и ничтожно предъ Богомъ браней, столь присущимъ мысли и совѣсти каждаго въ рѣшительную минуту сраженій. Ничто не представляетъ зрѣлища болѣе благороднаго и умилительнаго, какъ сила и слава, скромностію украшенныя, и Военачальникъ, въ семъ духѣ говорящій, непремѣнно возбудитъ чувства самыя благородныя.

Хотя примѣры сего рода краснорѣчія весьма часто встрѣчаются въ нашей Военной Исторіи, но подражать имъ нужно съ величайшею разборчивостью, равно какъ и вообще языку славныхъ Полководцевъ новѣйшаго времени; ибо часто тѣже самыя слова, которыя они говорили въ тѣхъ-же самыхъ положеніяхъ, въ устахъ *Полководца не историческаго*, производятъ совсѣмъ противное дѣйствіе.

Благодарныя воззванія къ войскамъ послѣ побѣды, овладѣнія крѣпостью, или по окончаніи похода, должны представлять краткое воспоминаніе славныхъ дѣяній и ихъ послѣдствія, но безъ преувеличенія и хвастовства; ибо Военачальникъ не долженъ забывать, что благодаря и выхваляя воинство, имъ предводимое, онъ въ тоже время себя самого хвалитъ, и потому обязанъ дѣлать сіе съ величайшею осмотрительностію, какъ принужденную жертву собственной скромности, по одной необходимой благодарности къ своимъ сослуживцамъ и неизбѣжной справедливости приносимую.

Таковъ былъ всегда языкъ славныхъ витязей. Война Революціонная ввела тотъ испорченный тонъ самохвальства, обидныхъ выраженій, угрозъ и прорицаній, который казался блистательнымъ при неимовѣрныхъ успѣхахъ Наполеона; но и въ устахъ его вышелъ смѣшнымъ, *по собственному его признанію*, послѣ первой неудачи.

Ѣ. *Реляціи о сраженіяхъ.*

Искуство писать Реляціи, независимо отъ слога, совершенно повѣствовательнаго, состоитъ главнѣйше въ порядкѣ расположенія и непрерывной связи слѣдующихъ одна за другою реляцій; онѣ суть сокращенный журналъ войны, и потому 1-е, тѣ, для кого онѣ пишутся, начальство или публика, должны прежде всего быть предувѣдомлены, кратко и съ избѣжаніемъ, сколько можно, техническихъ выраженій Стратегіи, о мѣстномъ положеніи военнаго зрѣлища и главной цѣли предпріятія. 2-е, О приблизительной силѣ обоюдныхъ войскъ. 3-е. О движеніяхъ, кои связываютъ частныя сраженія съ общими битвами, и 4-е, О ихъ

послѣдствіи. Посему слогъ Реляцій столько-же разнообразенъ, какъ и предметы ихъ. Онъ нѣкоторымъ образомъ *ученый* или дидактическій во всемъ, что относится къ Военной Топографіи, Стратегіи и Тактикѣ; *историческій* при повѣствованіи движеній и дѣйствій; *сильный* и *красивый* при описаніи сраженій, битвъ, отличныхъ дѣяній; но красоты его должны употребляться безъ расточительности, и быть просты и сильны не риторствомъ, но самымъ существомъ искусно разсказываемаго произшествія и дѣяній.

Несообразность въ нарушеніи сего правила нигдѣ такъ не чувствительна, какъ въ Исторіи Италійскаго похода нашего безсмертнаго Суворова. Все, что онъ писалъ и диктовалъ *самъ*, несетъ на себѣ печать простоты и величія славныхъ витязей Древности; все, что писано *редакторомъ*, тогда при немъ бывшимъ, и именно Реляція о чудесномъ переходѣ чрезъ Альпы, есть самое надутое риторство, тѣмъ болѣе не умѣстное, что напыщен-

ность слога не могла возвеличить самаго дѣйствія: Суворовъ съ горстью храбрыхъ, связывающихъ бревна своими шарфами, для перехода чрезъ пропасти, подъ смертоносным огнемъ занятыхъ непріятелемъ высотъ и ущелій; Суворовъ, прошедшій съ ними чрезъ льды и снѣга С-тъ Гошарда! на что тутъ краснорѣчіе? — Разсказъ, какъ можно болѣе простой и точный, довольно краснорѣчивъ однимъ его предметомъ.

Рѣчь о семъ припоминаетъ мнѣ великолѣпнѣйшее надгробное слово, которое было невзначай произнесено самому Суворову, при погребеніи тѣла его. Гренадеры несли гробъ Героя въ ту теплую церковь Александро-Невской лавры, гдѣ оно положено. Одному изъ ихъ начальниковъ, который самъ мнѣ сіе разсказывалъ (Флигель-Адъютантъ Маринъ,) показалось, что дверь въ Церковь узка; онъ закричалъ Гренадерамъ: *Постойте, ребята, не пройдетъ!* — *Пройдетъ!* отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; *тутъ-ли прохаживалъ!* — Вотъ истинно военное краснорѣ-

чіе. — Приличный памятникъ Суворову, — ню другому не годится.

4. *Донесенія о дѣйствіяхъ Арміи.*

Превосходство сего рода Донесеній состоитъ въ такомъ порядкѣ, въ такой ясности изложенія, помощію коихъ читающій могъ-бы, такъ сказать, не только видѣть, какъ-бы однимъ взглядомъ, расположеніе Армій: своей и непріятельской; но по обоюдному ихъ положенію, по опорамъ и чертамъ ихъ военнаго дѣйствія, по сосредоточенію въ томъ или другомъ мѣстѣ дѣйствующихъ силъ, могъ-бы предвидѣть будущія сраженія, и, по человѣческимъ вѣроятіямъ, предугадывать ихъ послѣдствіе. Здѣсь требуется языкъ холодный, описательный, безъ малѣйшей прикрасы; совершенство сего стратегическаго разсказа состоитъ единственно въ такомъ представленіи, ясномъ, порядочномъ и простомъ, расположенія военныхъ силъ, которое-бы въ послѣдствіи только постепенно раскрывалось, какъ развертываемая картина. — Посему необходимо въ началѣ

каждаго изъ послѣдующихъ донесеній, кратко и ловко связывать повѣствуемое, безъ повторенія, съ тѣмъ, на чемъ послѣднее донесеніе остановилось. Лучшіе примѣры сего рода бумагъ можно видѣть въ книгахъ о войнахъ Наполеона, гдѣ разныя подчиненныя лица главныхъ Штабовъ отдаютъ сего рода отчеты начальнику его Штаба; но не въ тѣхъ военно-политическихъ актахъ, кои называлъ онъ Бюльтенями и въ которыхъ до того все искажено и лживо, что въ самой Франціи произошла отъ нихъ пословица: *онъ лжетъ, какъ бюльтень.*

5. *О Военныхъ Запискахъ и Журналахъ.*

Здѣсь рѣчь идетъ единственно о бумагахъ служебныхъ, слѣдовательно записки и журналы, служа, временно, подробнымъ донесеніемъ о военныхъ событіяхъ арміи или корпуса, должны въ послѣдствіи составить официяльный матеріялъ для Военной Исторіи Государства. Онѣ суть военно-ученыя лѣтописи. Различіе ихъ состоитъ только въ томъ, что Журналъ заклю-

чаетъ въ себѣ одни произшествія тактическія, наружныя явленія Стратегіи; а Записка, можетъ, давая отчетъ о какомъ бы-то ни было военномъ произшествіи, раскрывать политическія обстоятельства, или послѣдствія, показывать стратегическій очеркъ всего плана кампаніи, или битвы. По сему и слогъ сихъ сочиненій долженъ быть различенъ: Журналъ требуетъ одного порядка и точности изложенія, краткости чуждой всѣхъ мѣлочныхъ подробностей и избѣжанія малѣйшихъ украшеній. — Записка, напротивъ, вмѣщая разсужденія политическія, виды высшей Стратегіи, и не связываемая техническими выраженіями Тактики, кромѣ общихъ, допускаетъ не только всѣ красоты благороднѣйшаго слога, но разнообразіемъ своихъ предметовъ представляетъ всѣ къ нему средства. Сухость Журнала была-бы ей порокомъ.

Само собою разумѣется, что того рода военныя записки, кои представляются разнымъ воинскимъ Начальствамъ въ видѣ

довѣренныхъ донесеній о какихъ-либо обзорахъ (поля предполагаемой битвы, расположенія непріятельскаго стана и пр.) составляютъ особенный разрядъ, въ которомъ нужно одно опредѣлительное и точное донесеніе о данномъ порученіи.

Вообще въ семъ родѣ сочиненій избѣгать неумѣстныхъ (хотя впрочемъ и хорошихъ) украшеній слога, гораздо труднѣе, чѣмъ расточать ихъ. И сіе должно памятовать особенно Военнымъ Редакторамъ; ибо они будучи, по большей части, и дѣйствующими лицами и историками, непримѣтно увлекаются чувствомъ самаго ремесла своего, въ какой-то особенный родъ восторга, котораго человѣкъ посторонній, холодный читатель, ни мало не раздѣляетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О слогѣ Гражданскомъ.

Гражданскій слогъ, Управительный (administratif) раздѣляется на собственно *По-*

лицейскій, Финансовый, Ученый и Дипломатическій.

1. *О слогѣ Полицейскомъ.*

Слогъ Полицейскій собственно принадлежитъ къ одному Министерству Внутреннихъ дѣлъ и высшимъ подъ нимъ Губернскимъ Начальствамъ.

Ходъ сихъ вѣдомствъ, имѣя единообразное основаніе (учрежденіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) и предметъ одинъ (Полицію), отличается отъ прочихъ Министерствъ Гражданскихъ быстротою и краткостію обряда, по свойству части исполнительной. Всѣ входящія бумаги, къ Министру, Директорамъ Департамента или высшимъ Губернскимъ Начальникамъ вступающія, при первомъ ихъ обозрѣніи получаютъ обрядовое свое движеніе слѣдующимъ ихъ раздѣленіемъ: онѣ суть или *особенно важныя* или *текущія*, или служащія *продолженіемъ*, либо *окончаніемъ* какого либо производящагося уже дѣла, или слѣ-

дующія *къ свѣдѣнію*. По симъ родамъ своимъ получаютъ онѣ при докладѣ ихъ первоначальную надпись: первыя, *доложить особенно*, *немедленно*; вторыя, *къ соображенію*, т. е. внести въ вѣдомость, въ статистическую табель и пр.; третьи, *съ дѣломъ доложить*; четвертыя, *къ свѣдѣнію*.

Тѣ дѣла изъ бумагъ сихъ, которыя слѣдуютъ къ разрѣшенію Министра, представляются въ видѣ Докладныхъ Записокъ. Докладная Записка сего рода составляется сколь можно кратко, представляя одно существо дѣла, въ порядкѣ изложенное. За симъ изложеніемъ слѣдуетъ Справка, т. е. или историческое представленіе того, что по сему дѣлу въ производствѣ его уже было, или указаніе подобнаго дѣла, котораго рѣшеніе можетъ служить правиломъ и въ дѣлѣ производимомъ, либо законы и постановленія, предметъ дѣла разрѣшающія. За Справкою слѣдуетъ *Мнѣніе Департамента*. Сіе Мнѣніе, будучи одобрено Министромъ вполнѣ, или съ нѣкоторыми ограниченіями и перемѣнами, со-

ставляетъ въ дальнѣйшемъ производствѣ Мнѣніе Министра.

Сіи Докладныя Записки, смотря по важности ихъ предмета, образуютъ основное производство дѣлъ Полицейскаго разряда; ибо на нихъ собственно весь дальнѣйшій ходъ его бываетъ основанъ. Изъ нихъ составляются Доклады и Докладныя Записки Государю, въ Комитетъ Гг. Министровъ, Донесенія Правительствующему Сенату, Сообщенія Министрамъ, Предписанія высшимъ подчиненнымъ Министерству лицамъ.

Порядочное, ясное и пріятное изложеніе Докладной Записки изъ донесенія, иногда запутаннаго и сбивчиваго, а часто и темнымъ слогомъ, съ безполезнымъ многорѣчіемъ составленнаго, весьма трудно, особливо при поспѣшности къ назначенному сроку и множествѣ дѣлъ. Такого рода бумаги надобно внимательно прочитать, схватить, такъ сказать, изъ нихъ разумъ дѣла и *забывъ образъ его изложенія*, напи-

сать снова. Справка, составляемая обыкновенно тѣмъ, кто держитъ дѣла отдѣленія, или выбираетъ ее въ Архивѣ, представляется тоже въ *сыромъ видѣ*, т. е. въ дурной выпискѣ предшествовавшихъ происшествій и обстоятельствъ дѣла, съ избыткомъ законоположеній, принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ нему, и все сіе часто набрано бываетъ безъ должной связи и нескладнымъ языкомъ; ибо сего рода черная работа, скучная и неблагодарная, оставляется обыкновенно людямъ, къ Редакціи другаго рода не употребляемымъ. Здѣсь мастерство состоитъ въ соглашеніи слога сего, по большей части, уродственнаго, съ слогомъ самой Записки, и въ краткомъ только указаніи тѣхъ законовъ и положеній, кои къ дѣлу прямо относятся.

Мнѣніе Департамента выходитъ само собою изъ соображенія послѣдней бумаги съ предшествовавшими обстоятельствами и законами, положеніями или бывшими примѣрами.

Въ слогѣ сего рода бумагъ должно старательно избѣгать всякаго притязанія на Литераторство. Важность дѣловаго изложенія требуетъ языка чистаго, выражающаго съ точностью и должною опредѣлительностью свой предметъ, и не терпитъ ни малѣйшей затѣи и прикрасъ.

Есть бумаги, по части Управительной, менѣе стѣсненныя въ ихъ слогѣ. Таковы суть мнѣнія о различныхъ Государственныхъ предметахъ, вразсужденіи общихъ предохранительныхъ мѣръ: обезпеченія, продовольствія, здравія или безопасности общественной. Здѣсь общія начала сей части управленія, касаясь различныхъ частей Государственной науки, не только въ Гражданскомъ, но и въ Политическомъ ея отношеніи, открываютъ обширное поле свѣдѣніямъ и дарованію Редактора, и даютъ полную свободу перу его. Свѣдѣнія Историческія, начала Экономіи Политической, наукъ Естественныхъ, соображенія Политическія, Торговыя и Воинскія, со всѣмъ разнообразіемъ слога, имъ свойствен-

наго, всѣ права и выгоды разсужденія ученаго и часто приличныя движенія Краснорѣчія, въ его расположеніи.

Отчеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ требуютъ благородной красоты въ изложеніи съ простотою и скромностью разсказа. Высокій предметъ внутренняго благоустройства великой Имперіи, постепенное раскрытіе обще принятыхъ мѣръ къ охраненію здравія, безопасности и нравовъ ея; разнообразіе произшествій въ странахъ и климатахъ противуположныхъ, пятидесятью народами обитаемыхъ; движеніе населенія, переселеній, хлѣбопашества, скотоводства, винодѣлія, внутренней торговли и промышленности, суть тѣ богатые предметы, кои призываютъ Редактора, отличными дарованіями одареннаго, составить изъ сухихъ и часто справочныхъ только отчетовъ, подчиненныхъ Министерству Начальствъ, работу трудную, но богатую разнообразіемъ и красотою.

Ему предлежитъ тѣмъ обширнѣйшее

поле Дѣловаго Краснорѣчія, что на нашемъ языкѣ весьма мало писано о предметахъ Государственнаго Управленія, и все, что произведетъ онъ изящнаго, будетъ въ семъ родѣ образцовымъ.

Исполнительная часть Гражданскаго Управленія подвержена иногда особеннаго рода отъ всѣхъ прочихъ, дѣловой поспѣшности такого свойства, что множество разнообразныхъ дѣлъ должны быть доложены въ одно время и почти, такъ сказать, въ одной и той же бумагѣ, безъ нарушенія ихъ порядка и особенно нужной правильности въ ихъ производствѣ. Мнѣ случилось видѣть весьма примѣчательный примѣръ сего. — Въ цвѣтущій періодъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, нужныхъ къ докладу Государя дѣлъ скопилось необыкновенно много, по стеченію разныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ; между тѣмъ Государь отъѣзжалъ внезапно, на довольно долгое время. Около четырехъ сотъ Записокъ надлежало изготовить и представить въ докладъ не болѣе

одного или двухъ часовъ. Въ одинъ день, изъ сего множества разнородныхъ и нѣкоторыхъ довольно обширныхъ бумагъ, сдѣлана одна, раздѣленная на статьи. Каждая статья заключала кратко полное содержаніе одной изъ большихъ Записокъ въ слѣдующемъ видѣ:

Такое-то Начальственное лице доноситъ, представляетъ то и то, или и спрашиваетъ разрѣшенія на такой-то предметъ.

Справка. Законы постановляютъ то и то, или недавно было подобное дѣло и разрѣшено такъ.

Заключеніе. Полагается утвердить распоряженіе, или предоставить на уваженіе такого-то мѣста, или лица и проч.

Статьи о дѣлахъ текущихъ подобраны были вмѣстѣ; о важнѣйшихъ-же читаны существеннѣйшія мѣста изъ подробныхъ Записокъ.

И такимъ образомъ одной сей методой доклада въ одинъ или два часа разрѣшено такое множество дѣлъ, не терпѣвшихъ отлагательства, что одно исполненіе повелѣній заняло на нѣсколько недѣль всѣ Департаменты Министерства.

Примѣръ сей приведенъ здѣсь для того только, чтобъ показать, какъ необходимо для успѣха дѣлъ въ части Исполнительной, знать самый пріемъ, отъ котораго онъ зависитъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О слогѣ финансовомъ.

Слогъ сего Управленія, въ исполнительной его части, подходитъ подъ правила Гражданскаго слога вообще. По части Счетной имѣетъ свои особенныя формы; по части Ученой, какъ-то Горной и Монетной, остается въ положеніи иностранной примѣси языка техническаго, которую наслѣдовали мы отъ употребленія при

учрежденіи сего управленія, еще въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, отъ Нѣмецкихъ мастеровъ и производителей Рудокопнаго и Монетнаго дѣла.

Не прежде какъ въ 1810-мъ году, вмѣстѣ съ системою Кредитныхъ Установленій, со введеніемъ смѣтъ и отчетовъ Министра Финансовъ, съ гласностію движенія нѣкоторыхъ частей его управленія, возникла необходимость составить Русскій языкъ Финансовый. Тогдашнему Министру, Графу Гурьеву, принадлежитъ честь начальнаго его введенія. Не взирая на то, что на нашемъ языкѣ нѣтъ еще не только сочиненій, ниже переводовъ такихъ книгъ о Финансахъ, изъ коихъ можно-бы было заимствовать нужныя выраженія, необходимость говорить о Финансовыхъ предметахъ, публичному разсужденію дотолѣ не подлежавшихъ; счастливый выборъ людей, по сей части употребленныхъ, мало по малу составили нашъ Дѣловый Финансовый языкъ, объемлющій всѣ предметы Государственнаго кредита, чуждый словъ

чужеземныхъ и до превосходной ловкости достигшій во всѣхъ самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ финансовыхъ предметовъ. Но и тутъ должно по справедливости припомнить, что бумаги, предшествовавшія учрежденію Министерства Финансовъ и въ коихъ въ первый разъ изложились (въ 1810 году) начала съ того времени введенныхъ у насъ Кредитной и Монетной системъ, служили и въ семъ родѣ образцами и принадлежатъ тому-же дарованію, которое способствовало общему преобразованію нашей Дѣловой и Государственной Словесности, какъ выше показано.

Справедливо предполагая, что чиновникъ, по сей части образовать себя желающій, прежде всего изучилъ внимательно Науки Финансовыя и Государственнаго Хозяйства въ лучшихъ и наименѣе мечтательныхъ авторахъ, и совершенно понялъ то, что, называясь вообще *кредитомъ*, составляетъ искуство умножать богатство дѣйствительное вообразимою его представительностью, такъ сказать цѣнностію

въ общемъ довѣріи; остается ему читать образцовыя сочиненія Высшаго Кредитнаго Управленія на отечественномъ языкѣ, начиная съ 1810 года; ибо тамъ увидитъ онъ, какъ сей языкъ у насъ возникалъ, и во всей силѣ и красотѣ его разкрывался. Отличное дарованіе, о коемъ мы говорили, сняло слѣпокъ его съ лучшихъ Французскихъ авторовъ, и потому языкъ сей части, чуждый отвлеченности и тяжелаго многословія писателей Нѣмецкихъ, у насъ положителенъ, ловокъ и пріятенъ, даже въ предметахъ, наименѣе по видимому занимательныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О Слогѣ Ученаго Вѣдомства.

Нигдѣ такъ не чувствительна недозрѣлость Дѣловаго слога, какъ въ вѣдомствѣ Ученомъ, гдѣ сливаются, такъ сказать, два языка: Гражданскій и Ученый, не соединяясь между собою и даже часто другъ друга портя. Кромѣ тѣхъ бумагъ, кои,

относясь прямо къ Гражданскому порядку, по предмету исполнительной и хозяйственной Ученаго вѣдомства, подчинены общимъ правиламъ Гражданской Словесности, есть въ семъ Управленіи *дѣла смѣшанныя*, и именно тѣ, въ коихъ лице гражданское должно говорить о предметѣ ученомъ. Таковы Уставы и Учрежденія разныхъ учебныхъ мѣстъ, правила и наставленія имъ, отчеты Министерства въ общемъ ходѣ просвѣщенія, направленіи и успѣхахъ народнаго воспитанія и пр. Здѣсь, судя по лицамъ, къ коимъ относится рѣчь, долженъ быть выбираемъ и слогъ. Уставы и Учрежденія должны согласоваться съ общими правилами о редакціи Законовъ и Положеній, выше изъясненными; ибо Законъ относится къ исполненію не однихъ ученыхъ, и всѣми равно долженъ быть понимаемъ. Наставленія и руководства, собственно ученыя, на пр. о порядкѣ экзаменовъ, направленіи и духѣ преподаванія нѣкоторыхъ наукъ и пр., должны быть писаны слогомъ, свойственнымъ учености; но и тутъ избѣгать надлежитъ тона схо-

ластическаго, одной Профессорской каѳедрѣ приличнаго и всегда отъ лица Гражданскаго Начальства страннаго и неумѣстнаго; ибо предполагаетъ нѣкоторое желаніе выказать ученость, несовмѣстное съ достоинствомъ особы начальственной. Въ бумагахъ сего рода нужно также избѣгать тѣхъ новизнъ слога, которыя современная Литература вводитъ по затѣйливости и духу ея періода. Сіи блудящіе огни, являясь и исчезая, не оставляютъ по себѣ слѣда въ языкѣ и не должны портить достоинства Дѣловой Словесности, подвижностью скоропреходящей моды. Нововводимыя слова и обороты имѣютъ свой порядокъ узаконенія и не могутъ быть упрочены ни произволомъ современныхъ писателей, ни усердіемъ подражанія.

Въ отчетахъ Министерства, въ періодическихъ изданіяхъ отъ него исходящихъ, и въ прочихъ сего рода сочиненіяхъ, нужно, чтобы предметы, касающіеся самыхъ высокихъ частей учености, и даже отвлеченные были излагаемы не только слогомъ со-

вершенно понятнымъ для каждаго, но пріятнымъ и заманчивымъ; ибо пишутся не для ученыхъ, кои въ пресыщеніи схоластизма мало симъ родомъ чтенія занимаются.

Въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ представленіе Учебнаго Начальства должно быть основано на точномъ мнѣніи лица или сословія ученаго (какъ на пр. мнѣніе о какомъ-либо ученомъ твореніи, разборъ, опроверженіе или одобреніе его), Редактору предлежитъ стараться перевести точный смыслъ бумаги схоластической на слогъ чисто дѣловый, не ослабивъ достоинства и красоты ученаго разсужденія.

Въ бумагахъ Ученаго вѣдомства величайшее неудобство состоитъ въ неловкомъ смѣшеніи ученаго риторства съ нѣкоторымъ родомъ ученаго подъячества, которымъ иногда стараются придать себѣ видъ дѣловыхъ людей тѣ, кои изъ ученаго званія поступаютъ въ Секретари Университетскихъ Совѣтовъ, или въ

Безмѣнные Засѣдатели ихъ Правленій. Сей двуличный слогъ есть верхъ безвкусія.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

О Слогѣ Дипломатическомъ (*).

Слогъ Дипломатическій есть, такъ сказать, *Разговорный языкъ Государствъ*, принимаемыхъ за лица нравственныя. Сіе опредѣленіе достаточно показываетъ, что

(*) Я обязанъ сею прекрасною статьею Писателю, весьма извѣстному по отличнымъ его дарованіямъ и роду ихъ употребленія, Алекс. Скарлат. Стурдзѣ. Читавъ въ рукописи единственное по глубокомыслію, краткости, вмѣщающей множество разнородныхъ познаній, и по разнообразію красотъ слога, сочиненіе его, подъ названіемъ: Avis aux jeunes diplomates etc., я просилъ его украсить книжку, мною издаваемую, выпискою статьи сей о слогѣ Дипломатическомъ, и нынѣ пользуюсь согласіемъ его на то съ благодарностію самою искреннею; ибо сравненіе сего отдѣленія со всѣми прочими не можетъ быть для изданія моего выгоднымъ; но я жертвую съ удовольствіемъ симъ мѣлочнымъ расчетомъ честолюбія почтенію моему къ сему отличному Писателю, пріятности и пользѣ общей.

принадлежности его должны быть: *ясность*, *точность*, *достоинство* и *утонченность* оборотов. Независимо от сихъ отличительныхъ его свойствъ, разнообразятъ оный и тѣ предметы, о коихъ Дипломатъ говорить долженъ.

Трактаты, *Сдѣлки* и *Договоры* составляютъ первый его разрядъ.

Во второй входятъ *Официальныя Ноты*, *Ноты словесныя*, *Деклараціи*, *Манифесты*, *Кабинетныя письма* и, наконецъ, офиціальныя и довѣренныя *Записки*. Всѣ сіи бумаги, на равнѣ съ Трактатами, подлежатъ большей или меньшей гласности.

Третій и послѣдній разрядъ составляютъ такъ сказать домашнія сношенія Дипломаціи: *Инструкціи*, *Депеши*, *Донесенія*, *Извлеченія*, *Выписки*, *Обзоры*, словомъ всѣ тѣ бумаги, кои остаются тайными.

Бумаги, входящія въ два первые разряда, непремѣнно и главнѣйше требуютъ *яснос-*

ти и *достоинства*, соразмѣрнаго говорящему лицу (собирательному и нравственному.)

Весь міръ внемлетъ, Державство, Богомъ установленное, освящаетъ сіи неизгладимые глаголы, Вѣчная Истина разсматривать ихъ будетъ, добросовѣстность за нихъ ручается, потомство станетъ судить ихъ, или страдая за нихъ, или пользуясь ихъ плодомъ; наконецъ злонамѣренность подстерегаетъ, дабы истолковать превратно то, что перо Дипломата завѣщало рѣзцу Исторіи и отважило на сомнительную удачу будущности. Неясность и неопредѣлительность сдѣлокъ Дипломатическихъ давали нерѣдко честолюбію достаточные предлоги къ пролитію цѣлыхъ рѣкъ крови. Наконецъ недостатокъ въ Декларацiяхъ и Манифестахъ не разъ доставлялъ выгоды злоумышленности и ослаблялъ самыя твердыя намѣренія. Особливо въ наше время, когда все извѣстно, все разсказываютъ, все судятъ, на все дѣлаютъ примѣчанія, трудность сія увеличилась, а отвѣтственность сдѣлалась тя-

гостиѣе. Государственный человѣкъ обязанъ соединять съ познаніями великую мудрость. Одна опытность и умъ ему недостаточны. Въ наше время долженъ онъ имѣть и *сердце*.

Независимо отъ тѣхъ свойствъ слога Дипломатическаго, кои мы наименовали, есть еще между показанными разрядами разница, которую обязаны мы читателямъ нашимъ примѣтить: *Трактаты*, *Конвенціи* и прочіе акты сего рода наполняются выраженіями, такъ сказать, *техническими*, коихъ употребленіе какъ-бы освящено Дипломатическимъ преданіемъ. Сіи выраженія въ бумагахъ втораго разряда должны быть употребляемы съ большою разборчивостью. Въ нихъ должна постоянно господствовать совершенная простота, тѣсно соединенная съ тономъ достоинства и нѣкоторою спокойною и важною *силой*, которая не преувеличиваетъ своихъ выраженій. *Гипербола* не прилична Могуществу, коего каждое слово имѣетъ свой положительный вѣсъ, гораздо превос-

ходнѣйшій силы оборотовъ и выраженій. Что касается до бумагъ менѣе гласныхъ, какъ *Нотъ*, *Записокъ* и проч., то въ нихъ *тонкость* оборотовъ должна соединяться съ *ясностью*, съ достоинствомъ всегда присущимъ, хотя и не такъ чувствительнымъ; съ *важностью*, хотя менѣе строгою, нежели въ Трактатахъ, Декларацiяхъ и Манифестахъ. Всѣ яркiе цвѣты должны быть смягчены счастливымъ выборомъ оборотовъ, тонкихъ и убѣдительныхъ, кои бы соглашали всѣ уваженiя, даже и въ то время, какъ невозможно уже побѣдить разномыслiя. Словомъ: Нота, Записка должна убѣждать въ какомъ-либо правѣ, не разбережая выгодъ, *прямымъ къ нимъ прикосновенiемъ*. Она должна, съ искусною бережливостiю, выставлять самыя безопасныя стороны сомнительнаго дѣла; жаловаться съ кротостiю; указывать ошибки, или виновность безъ презрительства. Она набрасываетъ на сановитое изваянiе истины такой полупрозрачный покровъ, который бы, смягчая всѣ черты ея, не сокрывалъ ни одной.

Записки даютъ дарованію болѣе простора. Но официальныя Ноты, будучи заключены въ тѣснѣйшей рамѣ, часто представляютъ трудности, приводящія редактора въ отчаяніе. Онъ долженъ избѣгать въ бумагахъ сего рода запутанности и растяженія. Сжатый обрядностью самой стѣснительной, обязанъ онъ *казаться свободнымъ*. Металлъ долженъ наполнить сосудъ не черезъ край и не застыть при наливаніи.

Скажемъ нѣсколько словъ о *Кабинетныхъ письмахъ*. Они въ прежнее время были только поздравительныя, или утѣшающія грамоты, такъ-же сухія и однообразныя, какъ тѣ архивные подлинники, съ коихъ списывались. Это было не что иное, какъ нѣкоторый родъ *Словесной геральдики*.

Нынѣ, когда Державныя Лица дѣйствуютъ и изъясняются *непосредственно*, Кабинетныя письма сдѣлались весьма важными, и трудность писать ихъ тѣмъ спа-

ла заботнѣе, чѣмъ рама, въ которую они заключены, болѣе стѣснена, а выраженіе вышло опредѣлительнѣе. Надобно, чтобъ въ Кабинетномъ письмѣ было сказано *что нибудь* о содержащемся въ немъ дѣлѣ; ибо безъ того нарушилось-бы приличное ему достоинство; но въ тоже время надобно, чтобъ *ничего* не было сказано *лишняго*, дабы не связать себя обязательствомъ.—Таковъ опасный выборъ, среди котораго долженъ держаться Редакторъ сихъ писемъ.

Перейдемъ къ четвертому разряду. Здѣсь гораздо менѣе принужденности, но неопредѣлительность равно вредна. Бывали Министры, коихъ Депешей не можно было читать иначе, какъ въ выпискахъ, и Министерства, которыхъ Инструкціи могли быть понимаемы только въ отрывкахъ. Самые важные переговоры нерѣдко разстроивались отъ несообразія Инструкцій и Донесеній. Вмѣсто того, чтобы поставить себя въ положеніе того, къ кому пишется, часто забывали лица, время и разстояніе до такой степени, что идеи

приходили въ совершенный хаосъ, а выгоды терялись въ своей сложности.

Инструкціи требуютъ большой ясности, достоинства и совершенной опредѣлительности въ смыслѣ и выраженіяхъ, указанія вѣроятностей какого-либо переговора, безъ излишняго ограниченія, дабы вмѣсто вразумленія уполномоченнаго, не связать его. Инструкціи пишутся двоякимъ образомъ: или въ видѣ подробной Депеши, или подъ формою Записки отъ третьяго лица. Но бумага сего рода, въ томъ или другомъ видѣ, содержитъ въ себѣ непремѣнно три отдѣльныя части: *изложеніе* даемаго порученія; *опредѣленіе полномочія*, договаривающемуся присвоеннаго, по усмотрѣнію вѣроятій переговора, и наконецъ *указаніе доказательствъ*, его подтверждающихъ, и главныхъ пружинъ для самаго дѣйствія. Все дѣло, симъ актомъ поручаемое, выражается сими тремя словами: Quid, quomodo, quatenus (*что? какъ?* и *до какой степени?*)

Что касается до редакціи Депешей, то

мы почитаемъ ее менѣе подчиненною порядку систематическому. Здѣсь дозволяются нѣкоторыя отступленія, но подъ условіемъ, чтобъ то не были ни затѣи самолюбія, ни хитрости, подобныя тѣмъ, кои употреблялись нѣкоторыми Военачальниками, когда, будучи разбиты, возвѣщали они въ донесеніяхъ своихъ побѣду.

Государственный человѣкъ долженъ писать такъ, какъ онъ говоритъ; ибо предполагается, что онъ говоритъ, въ порядкѣ и извѣстной мѣрѣ, съ благородною красивостію и счастливымъ выборомъ выраженій. Онъ долженъ быть бережливъ на приводы, врагъ хвастливой затѣйливости, внимателенъ къ послѣдствію идей, и осторожень въ представленіи рѣзкихъ истинъ съ нужнымъ смягченіемъ, чуждъ *уновленій* (néologisme) и всѣхъ подобныхъ притязаній самолюбія; онъ обязанъ избѣгать періодовъ запутанныхъ и словъ, введенныхъ въ употребленіе недостаткомъ вкуса и благоразумія.

Для избѣжанія всѣхъ сихъ погрѣшностей

слога, читатель долженъ припоминать себѣ то, что мы опредѣлили выше: *Дипломатическій слогъ есть разговорный языкъ Государствъ.* Объ немъ можно сказать то-же, что и о прочихъ. Кто хочетъ *увѣрить*, *убѣдить*, тотъ долженъ говорить къ *сердцу* и *воображенію*. Но обращаясь къ симъ двумъ способностямъ, не надобно давать предпочтенія ни одной изъ нихъ, постоянно сохраняя совершенное между ими согласіе, помня, что человѣкъ *весь* дѣйствуетъ на *другаго*, и что тогда краснорѣчіе его подобно лучу солнечному, который, отражаясь въ собственномъ видѣ нашимъ *глазомъ*, производитъ разнообразные цвѣты въ *призмѣ* и воспаляетъ предметъ сквозь *зажигательное стекло*. Вотъ образъ *ума*, *вображенія* и *сердца*.

То, что оставалось намъ сказать о третьемъ разрядѣ Дипломатическихъ бумагъ, почти уже истощено тѣмъ, что сказано о двухъ первыхъ, и безполезно было-бы еще распространяться о Запискахъ, Выпискахъ и прочихъ сего рода сочине-

ніяхъ, кои только требуютъ добраго смысла и нѣкоторой опытности, легко пріобрѣтаемой. Гораздо полезнѣе представить читателямъ нашимъ, на окончательное уваженіе, нѣчто о языкѣ, сдѣлавшемся всемірнымъ въ Дипломаціи. Отъ времени Утрехтскаго міра водворилъ языкъ Французскій свое господство въ сферѣ политическихъ сношеній. Сіе преимущество всемірности, которое, подобно коронѣ избирательной, переходитъ отъ одного народа къ другому, есть первая потребность литтератyрнаго міра народовъ Христіанскихъ. Тщетно было-бы противиться сему закону природы и общества. Онъ самъ выполняется въ извѣстное время, вопреки всякому противодѣйствію. *Греческій*, *Латинскій*, *Италіанскій*, *Гишпанскій* и нынѣ *Французскій* языки царствовали, каждый въ свою очередь, на древнемъ материкѣ міра. Наконецъ *Португальскій* и, въ наше время, *Англійскій* господствовали и еще господствуютъ на обширныхъ пространствахъ Земли. Ничто однакоже не препятствуетъ каждому народу воздѣлывать преимущественно свой

собственный языкъ для пріобрѣтенія ему сколько можно обширнѣйшей употребительности. Что можетъ быть въ семъ смыслѣ похвальнѣе Англіи и Гишпаніи, удержавшихъ свой языкъ во владѣніи Дипломатическою перепиской съ ихъ Посольствами въ иноземныхъ Государствахъ? Сей благородный примѣръ нашелъ последователей въ Германіи. Сверхъ того на Вѣнскомъ Конгресѣ постановлено, что тогдашнее употребленіе Французскаго языка, для состава главнѣйшихъ актовъ и трактатовъ Конгреса, ни мало не лишаетъ договаривающіяся Державы того права, которое каждая изъ нихъ себѣ предоставляетъ: употреблять на будущее время *свой собственный языкъ* въ сношеніяхъ и постановленіяхъ политическихъ. Что-же изъ сего слѣдуетъ относительно къ всемірному употребленію въ Дипломаціи языка Французскаго, и къ ограниченію, которое положить ему хотѣли? Отвѣтъ на сіе намъ кажется весьма простъ: Предполагалось употреблять языкъ Французскій, или другой, въ тѣхъ Дипломатическихъ и публичныхъ актахъ,

кои отнесли мы *къ двумъ первымъ ихъ разрядамъ.* Что-же касается до тѣхъ внутреннихъ сношеній, кои причислены нами къ третьему разряду, то достоинство каждаго Правительства требуетъ, чтобы оно вводило въ употребленіе, мало по малу, свой природный языкъ, въ такую область, которая, по всей справедливости, принадлежитъ ему, и въ коей можетъ онъ господствовать безъ малѣйшаго вреда общей выгодѣ; но не въ томъ только дѣло, чтобъ *предоставить себѣ право*, ибо оно теряется отъ *неупотребленія его.* Русскій языкъ особенно быстро уже достигаетъ той степени созрѣнія, которая нужна ему была для дѣлъ политическихъ. Менѣе воздѣланный, нежели Нѣмецкій, онъ кажется намъ болѣе способнымъ къ слогу Дипломатическому, по чрезмѣрной его гибкости и по тому разнообразію формъ, къ которому сложеніе его способно. Многія части нашихъ переписокъ доказали уже на опытѣ истину сего заключенія. Не далеко можетъ быть время, когда отечественный языкъ нашъ потребуетъ своего преиму-

щества, и тогда не нужно уже будетъ употреблять нарѣчія иноземнаго въ переписке съ представителями Царя Русскаго при разныхъ дворахъ Европы. Ежели мы не лжепророки, то да позволятъ намъ молодые сослуживцы наши сдѣлать имъ сіе предсказаніе, въ видѣ предувѣдомленія къ читателю.

ГЛАВА II.

О Словесности Государственной.

Отнеся всѣ правительственныя бумаги, возходящія къ Державной власти отъ разныхъ вѣдомствъ, *къ Словесности дѣловой*, обозначали мы точный предѣлъ предметамъ *Словесности Государственной*; ибо за нимъ остаются единственно акты, непосредственно отъ Лица Державнаго изходящіе.

Они суть:

1. *Манифесты.*
2. *Указы, подписные, объявляемые.*
3. *Рескрипты.*
4. *Грамоты.*

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О Манифестахъ вообще.

Манифесты (всенародныя объявленія) по предмету ихъ бываютъ многихъ родовъ,

и именно: *Торжественные, Милостивые, Военные, Печальные или Умилительные, Узаконительные.*

Слогъ сихъ первостепенныхъ актовъ Державной власти, глаголющей о какомъ-либо непремѣнно великомъ предметѣ во услышаніе обширнѣйшей Имперіи, долженъ быть сообразенъ съ сею важностію *Лицъ, положенія* и *предмета*. Языкъ, безъ напыщенія и принужденнаго набора словъ, безъ изысканности, разборчиво красивый, сильный и краткій, одинъ приличенъ актамъ сего рода.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О Манифестахъ торжественныхъ.

Торжественные Манифесты бываютъ слѣдующихъ родовъ: 1-е, о воцареніи Лица Державнаго; 2-е, о Короновании и Миропомазаніи; 3-е, о приумноженіи Царствующаго дома новорожденными; 4-е, о крещеніи, совершеннолѣтіи, бракосочетаніи Членовъ Императорскаго дома.

Господствующій характеръ сихъ актовъ, по роду Правительства нашего и *родственнымъ*, такъ сказать, *отношеніямъ* Народа Русскаго къ Царю своему, состоитъ въ томъ чувствѣ отеческаго общенія, по которому желаетъ Государь всякою своею радостію *подѣлиться* съ народомъ своимъ, сыновнею лыбовью къ Нему привязаннымъ. Симъ духомъ проникнутый Манифестъ состоитъ изъ *краткаго изложенія предмета* въ видѣ небольшаго вступленія, *изъ довѣреннаго сообщенія* тѣхъ чувствъ и мыслей, кои спѣшитъ Государь раздѣлить съ своимъ народомъ, и изъ *заключенія*, которое содержитъ обыкновенно приглашеніе къ соединенію молитвъ народныхъ съ молитвами Царя ко Всевышнему о продолженіи Его милостей, о ниспосланіи новыхъ благословеній, о принятіи благодаренія за щедроты его и пр.



ОТДѢЛЕНІЕ III.

О Милостивыхъ Манифестахъ.

Сіи акты, кромѣ вступленія, излагающаго причину, по которой власть Державная, какъ-бы выступая за предѣлъ закона, облаготворяетъ всѣ состоянія Государства и даже, удерживая руку правосудія, милуетъ погрѣшности, покрываетъ вины, щадитъ преступленія, имѣютъ нѣкоторый родъ формы, съ давнихъ временъ принятой.

Достоинство ихъ состоитъ *въ приличномъ открытіи.* Власть Державная никогда не являетъ характера, такъ очевидно священнаго, какъ употребляя свое божественное *право помилованія* возвращеніемъ отнятой чести, воскрешеніемъ потерянныхъ правъ. Языкъ, возвѣщающій сіе самое величественное на земли дѣйствіе, долженъ быть ему сообразенъ.

Статьи, опредѣляющія мѣру льготъ, пощадъ и помилованій, должны быть ясно

выражены, дабы не могли подвергаться никакому ложному или превратному изъясненію.

Сіи Манифесты заключаются обыкновенно надеждою на то чувство возвратной любви, котораго столь естественно и справедливо ожидать Державному Отцу и общему Благодѣтелю.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О Военныхъ Манифестахъ.

Манифесты о пополненіи и наборѣ армій къ сей статьѣ не относятся; ибо имѣя свою обрядовую форму, они суть не что иное, какъ акты, сопровождающіе Указъ Правительствующему Сенату о семъ предметѣ.

Подъ названіемъ Манифеста Военнаго разумѣются здѣсь только тѣ, кои предшествуютъ объявленію войны, или заключаютъ въ себѣ оное.

Война есть это право личной защиты, къ которому прибѣгаютъ Государства, истощивъ всѣ прочія средства переговоровъ, убѣжденій, соглашеній и иногда посредничества, или по случаю внезапнаго нападенія на ихъ предѣлы. Посему война всегда предшествуется многими важными обстоятельствами и происшествіями, которыя въ полной связи ихъ извѣстны однимъ Дипломатическимъ вѣдомствамъ. Разрывъ Государствъ расторгаетъ сію завѣсу, непроницаемой дотолѣ тайны, до нѣкоторой степени. Въ Манифестѣ Военномъ излагаются, въ Историческомъ порядкѣ и со всею строгостью дѣловой достовѣрности, всѣ происшествія, сперва нарушившія доброе согласіе ополчающихся Государствъ, а потомъ вызвавшія ихъ на брань. Здѣсь надобно избѣгать всякаго страстнаго тона, упрековъ неумѣстныхъ по ихъ оскорбительности, хотя-бы впрочемъ и справедливыхъ; говорить должны однѣ дѣла; положительныя событія должны всенародно доказать неизбѣжность ополченія. За симъ слѣдуетъ объявленіе

войны, всегда несчастной, по требуемымъ ею жертвамъ, и потому съ прискорбіемъ возвѣщаемой. Благороднѣйшія чувства добродѣтелей нравственныхъ и гражданскихъ, Вѣра, долгъ вѣрноподданства, любовь къ отечеству, обязанности народной чести и независимости, должны быть сильно возбуждены, дабы жертвы, отъ нихъ требуемыя, были менѣе тягостны. Примѣры изъ богатыхъ лѣтописей народной славы нашей должны быть пристойно припамятованы и заключаться твердою надеждою на силу духа народнаго, на правость предпринимаемой войны и особенно на помощь и благословеніе Бога браней, всегда Россіи въ правомъ дѣлѣ поборовшаго.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О Манифестахъ Мирныхъ.

Вожделѣнный для народовъ и всегда желаемый ими міръ, болѣе или менѣе жестокою и продолжительною войною, безчисленными пожертвованіями и потерями

покупаемый, есть такое благословенное событіе, что никакого рода обнародованіе не можетъ быть радостнѣе и торжественнѣе, какъ Манифестъ о мирѣ. Воспоминаніе опасностей и побѣдъ, потерей и торжествъ, тягостей и трофеевъ, раззореніе странъ и пріобрѣтеніе новыхъ, временное стѣсненіе промышленности и торговли, и новые для нихъ пути и исходы на будущее время, представляютъ богатѣйшіе источники Государственному краснорѣчію во всей его торжественности. Благодарность Подателю побѣдъ, признательность войскамъ и всѣмъ классамъ народа, успѣхамъ войны содѣйствовавшаго, растворяютъ слогъ сего рода актовъ чувствами любви и довѣренности, столь выгодными для пера искуснаго.

Манифесты, возвѣщающіе окончаніе мятежей, междоусобій и всепрощенія, принадлежатъ къ обнародываніямъ сего же рода.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

О Манифестахъ печальныхъ.

То-же Отеческое чувство, которое побуждаетъ Лице Державное раздѣлять съ любезнымъ ему и любящимъ Его народомъ радости и торжества свои, сугубо требуетъ утѣшенія въ печаляхъ участіемъ въ нихъ всѣхъ вѣрноподданныхъ. Манифесты печальные имѣютъ два предмета: посѣщеніе скорбями Дома Царскаго, посѣщеніе народа казнями. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ неропотномъ духѣ кротости и смиренія предъ промысломъ Божіимъ, возвѣщается печальное событіе, дабы всѣ вѣрноподданные, принявъ въ немъ сердечное участіе, возсылали теплыя молитвы о подкрѣпленіи, утѣшеніи, помилованіи. Державство земное преклоняетъ главу и благоговѣетъ предъ судьбами Вышняго. Сіе величественное явленіе, происходящее на высшей ступени Гражданскаго порядка, гдѣ сліяніе его съ порядкомъ верховнымъ закрыто таинственнымъ облакомъ, требуетъ приличнаго языка для его выраже-

нія, мыслей и чувствъ его достойныхъ. Внѣ искренняго убѣжденія въ истинѣ вліяній небеснаго міра на земной, внѣ ясныхъ по вѣрѣ понятій о высшемъ вожденіи судьбами Царей и народовъ, всякое земное несчастіе есть какой-то случайный безпорядокъ, недомыслимое неустройство, о которомъ и сказать, кромѣ самыхъ пошлыхъ восклицаній *о земной суетности*, нечего. И потому писатель, не проникнутый необходимостью видѣть событія міра *не снизу*, *а сверху*, ничего, кромѣ мертваго набора словъ, холоднаго списка съ актовъ предшествовавшихъ, не произведетъ въ семъ родѣ сочиненій. Въ преданномъ Православію и Престолу сердцѣ долженъ онъ омокать перо свое, дабы языкъ его согласенъ былъ съ положеніемъ Лица, отъ имени коего онъ говорить обязанъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

О Манифестахъ Узаконительныхъ.

Узаконительный Манифестъ есть такой актъ, при коемъ Державное Лице издаетъ

во всенародное извѣстіе какой-либо коренный или основный *Законъ*, *Уставъ*, *Уложеніе* и проч.

Слогъ сего акта, освящающаго волю Законодателя въ достоинство и силу кореннаго закона, долженъ быть повелителенъ, кратокъ и безъ всякихъ украшеній; ибо самое дѣйствіе такъ важно, что не имѣетъ нужды въ искуственномъ возвеличеніи; а безстрастіе, закону свойственное, требуетъ простоты и равнодушія. Всякое страстное движеніе слога нарушило-бы его достоинство, всякое стремленіе къ убѣжденію, всякое истолкованіе и подробность унизили-бы языкъ верховнаго Законодательства, сего прорицалища *втораго Величества*. (Тертульянъ называетъ отношенія Христіанскаго народа къ Государю *Религіею втораго Величества*.)



ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

Объ Именныхъ Высочайшихъ Указахъ.

Именные Высочайшіе Указы бываютъ *подписные* и *объявляемые.*

Подписные даются:

Святѣйшему Синоду.
Правительствующему Сенату.
Государственному Совѣту.
Комитету Гг. Министровъ.
Разнымъ Высшимъ Должностнымъ Лицамъ.

Сверхъ того силу Подписнаго или Именнаго Высочайшаго Указа имѣютъ и тѣ собственноручныя надписанія на всеподданнѣйшихъ Докладахъ, Рапортахъ и Запискахъ, въ коихъ Государь, кромѣ обыкновеннаго согласія, или несоизволенія на какое-либо представленіе, изъясняетъ особенную волю Свою.

Общая форма Высочайшихъ Именныхъ

Указовъ состоитъ въ надписаніи: *такому-то мѣсту или лицу*, и въ окончаніи *подписомъ числа, мѣсяца и года.*

По большей части къ важнѣйшимъ Государственнымъ мѣстамъ и лицамъ пишется личное мѣстоимение *Я*, во множественномъ: *Мы*, *Нашему* и проч.

Впрочемъ слогъ сего рода актовъ, съ весьма малыми исключеніями (на прим. Указъ Императора Александра I-го о непринятіи нарѣченія Благословеннаго, и подобныхъ), есть совершенно дѣловый и подлежитъ всѣмъ правиламъ Дѣловой Словесности, въ 1-й части сего Руководства по разнымъ частямъ Управленія изъясненнымъ.

Общее расположеніе Высочайшихъ Именныхъ Указовъ бываетъ по большей части слѣдующее: *замѣтивъ*, *усмотрѣвъ*, *уважив*, *вняв* такому-то представленію и пр., *повелѣваемъ* то и то. *Такое-то мѣсто не оставитъ*, или: *вы не оставите привести сего въ*

должное или надлежащее исполненіе. Иногда Указъ начинается симъ вступленіемъ: *Такимъ-то Указомъ повелѣли Мы, съ такимъ-то закономъ постановлено, нынѣ въ слѣдствіе сего или по такому-то обстоятельству*, либо: *новому произшествію, запросу, встрѣтившемуся затрудненію* и тому подобному, *повелѣваемъ, подтверждаемъ, разрѣшаемъ*, или: *на будущее время установляемъ* и проч.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ содержаніе Именнаго Указа относится къ дарованію какихъ-либо льготъ, правъ или выгодъ, къ пощадѣ, помилованію, прощенію лицъ или сословій, прибавляется: Всемилостивѣйше повелѣваемъ; иногда: *признали Мы за благо* или *нужнымъ*, либо *полезнымъ повелѣть.*

При заготовленіи многихъ Указовъ о наградахъ и изъявленіяхъ Монаршаго благоволенія разнымъ лицамъ, по тому уваженію, что Указы сіи, издаваясь въ одно время и часто въ одной газетѣ, представляютъ, ежели они единообразны, какъ-бы собраніе обрядовыхъ актовъ, по одной

формѣ составленныхъ, стараться должно разнообразить расположенiе сихъ односмысленныхъ актовъ такимъ образомъ: то начиная ихъ сими словами: *желая наградить*, то: *въ справедливомъ вниманiи къ заслугамъ или засвидѣтельствованiю* и пр., то: *по засвидѣтельствованiю* такого-то Лица или Начальства и пр., то: *обращая вниманiе* и пр., и пр.

Рескриптъ есть Указъ Императора, обращенный къ какому-либо лицу, въ видѣ письма.

Форма, отличающая сей родъ Указовъ отъ прочихъ, состоитъ въ томъ, что они пишутся на обыкновенной, для писемъ употребляемой, бумагѣ, начинаются въ одну строку съ письмомъ, именованiемъ того, къ кому обращены, по имени и отчеству, и оканчиваются сими словами: *Пребываю къ вамъ доброжелательный, благосклонный* и проч.

Предметы сего рода Императорскихъ писемъ весьма разнообразны. Они бываютъ: благодарныя, благоволительныя, утѣши-

тельныя (въ случаѣ скорбей важныхъ Государственныхъ особъ, въ коихъ изъявляетъ Императоръ свое участіе), отвѣтныя на обычныя поздравленія, сопровождающія подарки и пр.

Соединеніе приличнаго достоинства, соразмѣрнаго съ значеніемъ или поломъ лица, къ которому Рескриптъ пишется, съ простотою письменнаго слога, дѣлаетъ редакцію сихъ актовъ весьма трудною. Самому искусному дѣловому писателю много нужно навыка для ловкаго ихъ оборота.

Особенно затруднительны бываютъ Рескрипты отвѣтные на поздравленія, на пр. съ восшествіемъ на престолъ, съ побѣдами, съ новымъ годомъ, когда должно писать ихъ къ разнымъ значительнымъ лицамъ, почти въ одномъ смыслѣ, но такимъ образомъ, чтобы они не казались спискомъ одной и той-же бумаги; ибо неприлично было-бы благодарить разныя особы за поздравленія какъ-бы циркулярнымъ Рескриптомъ. Здѣсь редакторъ, истощивъ всѣ

уловки въ разноображеніи самой матеріи, часто принужденъ бываетъ для оттѣнки различій, пользоваться даже самыми мѣлкими обстоятельствами: a) *Разностепенностію лицъ*; b) *Разнообразіемъ окончаній.*

Рескрипты съ замѣчаніями, выговорами и изъявленіемъ разной степени неудовольствія, кромѣ содержанія своего, отличаются отъ прочихъ и самою формою *во вступленіи*, *тонъ* ихъ, и особенно *въ окончаніи*, гдѣ, смотря по строгости содержанія, важности обстоятельства и значительности лица, болѣе или менѣе *охлаждается выраженіе благосклонности*, при окончаніи бумагъ сего рода обыкновенно употребляемое.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

О Грамотахъ.

Сверхъ тѣхъ Высочайшихъ Указовъ, кои сопровождаютъ орденскіе знаки и имѣютъ опредѣленную форму, Грамотами называются и тѣ, кои жалуются разнымъ сословіямъ и заключаютъ дарованіе, либо подтвержденіе дарованныхъ правъ. Первыя даются

за особенныя заслуги, а вторыя возобновляются при воцареніи Императоровъ.

Къ 1-му разряду принадлежатъ: 1-е, Грамоты, жалуемыя за воинскіе подвиги Козацкимъ Войскамъ. Сего рода Грамоты, сопровождая иногда почетное знамя, Войску жалуемое, и заключаясь въ особенной формѣ вступленія, съ давнихъ временъ принятой, содержатъ обыкновенно описаніе славныхъ подвиговъ того Воинства, коему даются, желаніе вознаградить его сею Императорскою милостію, надежду дать примѣръ дѣлъ славныхъ въ позднѣйшемъ потомствѣ сею памятью предковъ, и наконецъ подтвержденіе всѣхъ правъ и льготъ, прежними Императорскими Грамотами дарованныхъ, или распространеніе ихъ. 2-е, Грамоты, подтверждающія преимущества разныхъ областей, на особенныхъ правахъ состоящихъ. Сіи послѣднія имѣютъ форму Манифестовъ или Указовъ Правительствующему Сенату.

Грамоты на Графскія и Княжескія достоинства имѣютъ обще принятую для

нихъ форму и суть не что иное, какъ Высочайшіе Именные Указы.

Нѣкоторыя особыя примѣчанія.

Въ другихъ Государствахъ весьма большую важность приписываютъ Архивнымъ занятіямъ. Въ Пруссіи славный Министръ *Гарденбергъ*, во Франціи *Кальяръ*, занимались аналитическимъ разборомъ Государственныхъ Архивовъ; но тамъ, гдѣ дѣло сіе почитается неважнымъ, Архивы остаются неразобранными, дѣловая Исторія со всѣми сокровищами ея преданій въ пренебреженіи, а чиновники, желающіе научиться дѣлу изъ опытности ихъ предмѣстниковъ, отъ небреженія Архивовъ, въ величайшемъ затрудненіи сыскать нить, которая могла-бы провести ихъ въ семъ лабиринтѣ. По сему чиновникъ, который, въ какой-бы части Управленія то ни было, начнетъ у насъ службу свою съ изученія Архива той части, бросивъ всякую обыкновенную торопливость къ исполненію дѣлъ текущихъ, на вѣрное опередитъ всѣхъ

своихъ сверстниковъ, пріобрѣтя рѣдкую опытность и такое коренное знаніе въ дѣлахъ, котораго другіе не имѣютъ.

Къ рѣчи о сей матеріи прилично сказать, что, предположивъ Архивъ какой-либо части Управленія въ совершенномъ порядкѣ, такъ что въ аналитической его описи, по времени и оглавленіямъ обозначаются всѣ органическія и важнѣйшія дѣла, и по сему каждое изъ нихъ легко отыскать можно, нужно указать еще: какъ читать огромное дѣло? Безполезно потерялось-бы много времени и труда, ежели-бы читать его *сподвалъ*; ибо въ каждомъ дѣлѣ есть только нѣсколько бумагъ, къ прочтенію нужныхъ. Это суть опредѣленія, выписки, записки, доклады, указы и предписанія высшихъ лицъ и мѣстъ.— Въ сихъ актахъ находится обыкновенно существо всѣхъ предшествовавшихъ главныхъ бумагъ и обстоятельствъ, достовѣрно изложенное, и всѣ степени утвержденія прошедшее. — На что же читать тѣ бумаги, изъ коихъ сіи акты составлены? Это-бы значило обременять себя

двойною, безполезною и скучною работой. Потому и надобно, при первомъ раскрытіи дѣла, найти, по его описи, главные пункты его обозрѣнія и, отмѣтивъ каждый такъ, чтобъ при чтеніи легко отыскивать его было, читать и дѣлать выписку только изъ нихъ; подлинныя-же бумаги должно читать иногда для лучшаго только вразумленія въ подробность дѣла. Симъ способомъ огромное дѣло, часто на 5 и 7-стахъ листахъ написанное, можетъ быть прочтено, совершенно узнано и даже выписано въ нѣсколько часовъ.

Ежели настоящій *Опытъ о Дѣловой и Государственной Словесности* будетъ имѣть успѣхъ, то вслѣдъ за симъ выйдетъ практическая часть его, въ которой, по порядку расположенія разныхъ статей, прибраны будутъ тѣ акты, кои могутъ служить образцовыми, дабы читатель, изъучая правило, могъ видѣть и лучшій примѣръ его исполненія.

